

Санкт-Петербургский государственный университет

Зудина Светлана Михайловна

Выпускная квалификационная работа

Стилистические особенности шведского «ясного языка» (“lattlast”)

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа ВМ.5810 «Лингвистические проблемы скандинавистики и нидерландистики»

Научный руководитель:
доцент, Кафедра скандинавской
и нидерландской филологии,
Лисовская Полина Александровна

Рецензент:
доцент, Федеральное
государственное
бюджетное
образовательное
учреждение высшего
образования «Российский
государственный
педагогический
университет им. А. И.
Герцена»,
Нечаева Наталья Викторовна

Санкт-Петербург
2022

Оглавление	
Введение.....	2
1. Ясный язык как часть шведской языковой политики.....	6
1.1. Языковая политика Швеции. Понятия “klarspråk и “lättläst”.....	6
1.2. История развития и организация работы по ясному языку в Швеции....	13
1.3. Трудности, связанные с чтением. Оценка удобочитаемости текстов.....	20
Выводы по Главе 1.....	31
2. Теоретические основы исследования.....	33
2.1 Особенности преобразования текста на ясный язык: перевод и адаптация.....	33
2.2. Ясный язык как стиль.....	41
2.3. Общие принципы создания текста на ясном языке.....	48
Выводы по Главе 2.....	52
3. Грамматические особенности шведского ясного языка.....	54
3.1 Отказ от номинализации и номинативных структур.....	54
3.2. Особенности использования активного залога и местоимения “du”.....	61
3.3. Особенности синтаксиса шведских ясных текстов.....	71
Выводы по Главе 3.....	82
4. Лексические особенности шведского ясного языка.....	84
4.1. Лексические трансформации на уровне семантики.....	84
4.2. Отказ от сложных и производных слов.....	92
4.3. Лексический повтор как способ достижения ясности.....	100
Выводы по Главе 4.....	107
Заключение	109
Литература и источники	111

Введение

Актуальность темы исследования

В современном мире способность правильно воспринимать информацию является ключевым условием для успешного и благополучного существования в обществе. Ежедневно человек сталкивается с ситуациями, в которых ему необходимо быстро изучить новые сведения и принять на их основании качественное решение, основанное на знаниях в самых различных областях: выбрать и заказать товар через Интернет, заверить подписью важный документ, прочитать инструкцию, заключить договор об оказании услуг и т.д.

Статистика показывает, что множество людей по всему миру испытывают трудности при восприятии различных текстов информативного характера. Не составляют исключения и жители нашей страны. Согласно международному исследованию PISA, проведенному в 2020 году, подавляющее большинство россиян (78%) имеют сравнительно невысокий уровень читательской грамотности (22% населения относятся к предпороговому, 28% – к базовому и 28% людей имеют уровень чуть выше порогового). На практике это означает, что лишь малая доля жителей России способны самостоятельно одолевать незнакомые тексты, анализировать их и обучаться с их помощью. Например, немногие могут без затруднений понять текст официально-делового, научного или юридического характера и применить полученные знания на практике, не говоря уже о “жизненно необходимых” текстах, включающих правила, инструкции, бланки для заполнения и др.

Кроме того, существуют такие категории населения, для которых понимание общедоступных текстов представляет собой особую сложность. К ним относятся лица с особыми потребностями, такие как граждане, имеющие различные когнитивные и функциональные нарушения, пожилые люди, а также мигранты, для которых русский язык не является родным. Для данных групп населения значительная доля публичной информации остается недоступной.

С решением проблемы обеспечения доступности информации как для массового читателя, так и для лиц с особыми потребностями уже на протяжении многих лет успешно справляется Швеция. Она имеет многолетний опыт работы по адаптированию информативных текстов для разных категорий населения. Информационная доступность достигается за счет использования в публичных текстах специальных вариантов национального языка – *klarspråk* (“простой язык”) и *lättläst* (“ясный язык”), имеющих свои правила и особенности. Данные разновидности языка позволяют создавать простые, понятные читателям тексты, а также адаптировать уже существующие, что на протяжении полувека помогает массовому читателю Швеции быстро найти и использовать необходимую информацию, а читателю с особыми потребностями получить доступ к сведениям, предназначенным для всех. Такие тексты представляют интерес с точки зрения лингвистики и перевода, в частности внутриязыкового, поскольку принципы их создания накладывают определенные ограничения на конечный текст, делая его уникальным с точки зрения языка и стиля. Кроме того, опыт Швеции может послужить качественным образцом для развития “ясного” и “простого” языков в России, позволив многим россиянам, испытывающим трудности с чтением и восприятием текстов, получить возможность овладеть ценной информацией, содержащейся в них.

Отметим, что в центре внимания данного исследования находится преимущественно “ясный” шведский язык (*lättläst svenska*), его языковые и стилистические особенности, а также стратегии перевода на него стандартных текстов.

Таким образом, **научная новизна** нашего исследования заключается в обращении к вышеуказанной проблематике с точки зрения анализа особенностей адаптации на ясный язык текстов на стандартном шведском языке. Прежде исследований шведского языка в таком лингвистическом контексте в нашей стране не проводилось. Таким образом, мы считаем, что данное исследование может дополнить собой определенный сегмент в германистике/скандинавистике. Кроме того, новизна работы заключается и в ее

прикладном характере, что в свою очередь определяет ее актуальность и практическую значимость. Есть вероятность, что в будущем описанные в работе механизмы и сделанные в ней разработки смогут быть использованы при создании аналогичных шведской методик переработки текстов в нашей стране. Подчеркнем также, что результаты нашего исследования смогут впоследствии использоваться в качестве методических указаний при обучении студентов-шведистов по аспектам “Аналитическое чтение”, “Стилистика” и “Перевод”.

Целью исследования является установление и описание особенностей шведского ясного языка в общедоступных информативных текстах.

Для решения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

- уточнить сущности понятий *klarspråk* (“простой язык”) и *lättläst* (“ясный язык”);
- изучить историю развития и современную организацию работы над созданием текстов на ясном языке и переводом информативных текстов на ясный язык;
- рассмотреть преобразование текста на ясный язык в качестве разновидности внутриязыкового перевода и адаптации;
- рассмотреть ясный язык в качестве одного из стилей речи;
- определить основные лексические и грамматические особенности ясного языка на примере общедоступных информативных текстов, а также выявить стратегии перевода на него стандартных текстов.

Объект исследования: шведский ясный язык.

Предмет исследования: лексические и грамматические особенности шведского ясного языка.

Материалом исследования послужили общедоступные информативные тексты на стандартном и ясном шведском языках: текст брошюры с официальной информацией по подготовке населения в случае ЧС, изданной Ведомством по обеспечению доступной информационной среды в 2018 году, Интернет-тексты с официального сайта государственных учреждений по

информированию населения (*krisinformation.se*), официального сайта региона Сконе (*skane.se*), а также новостные статьи с сайта шведской “ясной” газеты *8 Sidor* (*8sidor.se*).

Теоретическая база исследования включает работы российских и зарубежных, преимущественно шведских ученых. В частности, среди исследований по стилистике наиболее важными являются работы И.Р. Гальперина, И.В. Арнольд, П. Кассирера, Э. Велландера, П. Лагерхольма. Теоретическую основу исследования также составили труды по переводоведению таких авторов как В.Н. Комиссаров, Р.О. Якобсон, Л.С. Бархударов, В.В. Виноградов. Особенно важное место имеют работы шведских ученых М. Сундин, И. Лундберга и М. Рейхенберг, авторов основных теоретических исследований о шведском ясном языке, а также Н.В. Нечаевой, автора исследований о ясном и простом языках на русском языке.

Выпускная квалификационная работа состоит из четырех глав, Введения, Заключение и Списка литературы. Первая глава посвящена исследованию понятий *klarspråk* и *lättläst*, истории и современному состоянию производства литературы на шведском ясном языке, особенностей восприятия и оценки удобочитаемости текстов. Во Второй главе рассмотрены теоретические положения явлений внутриязыкового перевода и адаптации, предпринята попытка определить место ясного языка в системе стилей речи. Третья и Четвертая главы носят практический характер. В них мы проанализировали наиболее характерные лексические и грамматические особенности шведского ясного языка.

Результаты исследования были представлены XXIV Межвузовской студенческой научной конференции “Студент — Исследователь — Учитель” в секции “Академический дискурс Северной Европы” в 2022 году.

1. Ясный язык как часть шведской языковой политики

1.1. Языковая политика Швеции. Понятия “klarspråk и “lättläst”

Под языковой политикой чаще всего понимается система государственных мероприятий по целенаправленному воздействию на язык с целью поддержать или изменить статуса языка, а также языковую ситуацию в целом. Например, в России языковая политика регулируется следующими нормативными документами: Федеральным законом “О государственном языке Российской Федерации”, Законом Российской Федерации “О языках народов Российской Федерации”, Постановлением Правительства Российской Федерации “О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации”, Федеральным Законом “О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом” и некоторыми другими.

Названные нормативные правовые акты призваны регулировать такие вопросы как требования орфографии и пунктуации, государственный язык и статус других языков по отношению к официальному языку, утверждение литературных норм русского языка. Область мер, проводимых в рамках языковой политики, также может включать в себя разработку алфавита, создание и унификацию национальной терминологии, вопросы по наименованию улиц и площадей, а также упразднение безграмотности (А.С. Герд, 1996). Кроме того, одной из задач языковой политики как в России, так и в ряде других, в том числе развитых европейских стран, является не только сохранение статуса государственного языка, но и забота о языках народов, проживающих на территории той или иной страны (А.Я. Мартынюк, 2016, 69).

В Швеции, в связи с особой языковой ситуацией на рубеже XX-XXI веков, вызванной мощным ростом потока иммигрантов, а также увеличением роли английского языка в интернациональной коммуникации и влиянием его на национальный язык, необходимость принятия мер, попадающих в зону

ответственности языковой политики, ощущалась особенно остро (Д.С. Бородина, 2018, 29). В результате, на сегодняшний день зона ответственности так называемой “скандинавской модели” (*den nordiska modellen*) языковой политики, которой придерживается Швеция, не ограничивается только теми мероприятиями, о которых шла речь выше. В Швеции, в отличие от большинства стран, существует специальное, финансируемое государством направление, которое занимается регулированием языка текстов (*språkvård*). Основной задачей этого направления языковой политики является преобразование языка шведских официальных документов, законов и нормативно-правовых актов, а также учебников, Интернет-текстов, текстов брошюр и газет с целью сделать их доступными для большего круга лиц. В шведском Законе о языке есть следующее положение: “Язык в деятельности публичных органов должен быть регламентированным, простым и понятным”. Таким языком в Швеции называют *klarspråk*.

Понятия *klarspråk* (в рус. источниках – “простой, доступный язык”) и *lättläst* (“ясный язык”) являются ключевыми в направлении языковой политики, отвечающем за язык текстов. Несмотря на внешнюю схожесть этих двух понятий, между ними существует принципиальная разница. Рассмотрим подробно каждое из них.

На официальном сайте Шведского института языка и фольклора (*Institutet för folk och språkminnen, ISOF*), ранее Шведского языкового совета (*Språkrådet*), термин *klarspråk*, идя в ногу с вышеуказанным нормативным документом, буквально понимают как “регламентированный, простой и понятный язык” (*ISOF*, официальный сайт). При этом разъясняются основные положения данной дефиниции. Регламентированный (шв. *vårdad*) предполагает соблюдение рекомендаций органов языковой политики, норм шведского языка. Простой (шв. *enkelt*) подразумевает отказ от использования предложений со сложной структурой, употребления архаичных выражений, сокращений и технических терминов, которые могут быть незнакомы читателю, при этом информация, передаваемая в сообщении, не должна становиться неполной и неточной. Под

“понятностью” (шв. *begriplighet*) имеется в виду отбор, порядок представления передаваемой информации, деление текста на абзацы и подбор заголовков таким образом, чтобы текст был наиболее легким для восприятия. На сайте также подчеркивается, что термин *klarspråk*, как правило, применяется, когда речь идет о языке текстов органов власти на различных уровнях (шв. *myndighetstexter*). Таким образом, упрощение языка текстов и повышение их доступности в контексте простого языка рассматривается как вопрос утверждения демократии на всех уровнях и как обязанность государства.

Тем не менее, существуют более общие дефиниции. Шведская официальная терминологическая база дает следующее определение понятию *klarspråk*: “это язык, который является ясным и понятным для предполагаемых получателей” (Rikstermbanken, 2021).

В англоязычных источниках наиболее частым является термин *plain language*. Международная ассоциация по простому языку (International Plain Language Federation) определяет его следующим образом: “Текст написан на простом языке, если выбор слов и построение предложений в нем, а также его содержание, структура и оформление позволяют читателю легко найти нужную информацию, понять и использовать её”.

Данные дефиниции подтверждает наличие различного рода литературы, написанной на простом шведском языке (*klarspråk*) и не входящей в категорию официальных текстов, такой как научно-популярная литература, школьные учебники, Интернет-тексты и брошюры частных организаций. Так, например, в 2008 году Шведским языковым советом была издана книга “Руководство по шведскому языку как иностранному” (*Handbok i svenska som andraspråk*), которая описывает типичные языковые ситуации в таких сферах как, например, устройство на работу. Подобного рода издания не редкость во многих странах, однако особенностью Швеции является тот факт, что некоторые из них выпускаются государством, то есть являются частью официальной языковой политики (Josephson, 2018, 220).

Необходимо также отметить, что, несмотря на большое количество схожих определений и терминов, эквивалентом *klarspråk* и *plain language* в русском языке мы, вслед за Н.В. Нечаевой, будем считать понятие “простой язык” (см. Н.В. Нечаева, 2020, 109).

Итак, под простым языком мы будем понимать главным образом язык официальных и правовых документов, а также иной литературы информативного характера, написанных таким образом, чтобы он был понятен как можно более широкому кругу лиц и соответствующих нормам шведского языка.

Далее рассмотрим термин *lättläst*. Шведская официальная терминологическая база определяет информацию на ясном языке (шв. *lättläst information*) как “текст, написанный таким образом, чтобы он был особенно легок для прочтения, состоял из коротких предложений и простых слов” (Rikstermbanken, 2021). Кажется, однако, что данная формулировка не несет в себе принципиальных отличий от рассмотренных нами определений простого языка.

Понятие *lättläst text* конкретизируется Шведским Ведомством по обеспечению доступной информационной среды (шв. *Myndigheten för tillgängliga medier* или *MTM*). Здесь ясные тексты рассматриваются как “тексты, адаптированные для целевых групп, испытывающих трудности в чтении, например, в связи с умственными или психоневрологическими нарушениями, деменцией”. На сайте Ведомства также отмечено, что такие тексты могут быть адресованы людям со слабыми навыками чтения.

Англоязычные источники для обозначения языка, адаптированного под нужды людей с различными функциональными, интеллектуальными и когнитивными нарушениями, используют термины *clear* и *easy-to-read*.

В русскоязычных работах применяется термин “ясный язык”. Ассоциация преподавателей перевода рассматривает его как язык, “понятный людям с когнитивными нарушениями, мигрантам, «глубоким» пенсионерам” (Нечаева, 2021, 108).

Об особой значимости реципиента в ясном языке пишут шведские исследователи Х. Энглунд и М. Сундин. По их мнению, некоторые примеры ясных текстов подходят для одних целевых групп, но могут вызывать трудности при чтении представителями других групп. Например, использование метафор и идиом делает текст затруднительным для людей с синдромом Аспергера, однако людям с дислексией тропы могут помочь в интерпретации абстрактных понятий и явлений (Englund, Sundin, 2006, 137).

И. Лундберг и М. Рейхенберг также подчеркивают, что необходимо всё время учитывать особенности конкретной группы читателей, для которых адаптируется текст (Lundberg, Reichenberg, 2009, 26). При этом они выделяют следующие группы лиц, которые в той или иной мере испытывают трудности с восприятием стандартных текстов и нуждаются в их адаптации на ясный язык:

- дети, которые учатся читать;
- дети, взрослые и подростки, имеющие выраженные трудности в обучении чтению (например, люди с дислексией);
- читатели, имеющие проблемы с концентрацией внимания (например, СДВГ);
- читатели с психоневрологическими нарушениями (аутизм, синдром Аспергера);
- люди с задержкой умственного развития;
- читатели с нарушением слуха;
- взрослые с низким уровнем образования и малым читательским опытом;
- читатели, имеющие иной языковой и культурный фон;
- люди с задержкой речевого развития;
- читатели с моторно-двигательными нарушениями и трудностями восприятия.

Напомним, что, в отличие от ясного языка, простой язык, скорее, нацелен на усредненного, массового читателя, нежели на людей с особыми потребностями.

Для более подробного анализа ключевых понятий обратимся также к характерным чертам текстов на ясном языке. И. Лундберг и М. Рейхенберг таким образом описывают “ясные” тексты:

- не очень длинные;
- имеют личные обращения к читателю;
- содержат чередующиеся короткие и длинные предложения;
- используют слова, которые логически объединяют предложения;
- избегают использования длинных существительных;
- избегают использования иностранных слов;
- содержит четко объясненные причинно-следственные связи;
- избегают использования пассивной формы глаголов;
- избегают использования абстрактных понятий;
- используют практические примеры.

Стоит также добавить, что для “ясных” текстов, в отличие от текстов на простом языке, характерной особенностью является их графическая адаптация, а именно деление текста на короткие строки для облегчения зрительного восприятия (Рис. 1).

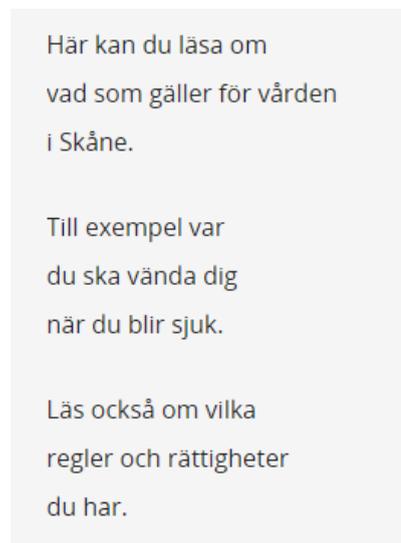

Рисунок 1 - графическое представление информации из раздела “Здравоохранение” на ясном языке с официального сайта региона Сконе

Что касается особенностей простого языка, Шведский институт языка и фольклора дает множество подробных рекомендаций по написанию официальных текстов, среди которых можно выделить следующие:

- *С точки зрения стиля и структуры*: тон и стиль текста в меру персонализированный, структура и логика текста четко продуманы, содержание текста изложено кратко и отражает самые релевантные положения;
- *С точки зрения лексико-грамматических особенностей*: короткие предложения чередуются с длинными, избегается употребление пассивной формы глаголов, архаичных выражений и конструкций, поясняются технические термины и понятия, поясняются сокращения и аббревиатуры, избегается использование сленга, иностранных слов, клише.
- *С точки зрения оформления*: текст имеет информативный заголовок, выражающий основную мысль, графическая форма текста (поля, интервалы, размер шрифта) является продуманной и удобной для чтения, самые важные мысли резюмируются в отдельном абзаце, используются маркированные списки и т.д.

Как видно из представленного выше, ясный и простой языки обладают рядом схожих черт, особенно в том, что касается лингвистических особенностей и смысловой структуры текста. Ключевым же отличием ясного языка от простого следует считать *наличие адресата с особыми потребностями*, в то время как простой язык нацелен на массового читателя.

При этом важной общей чертой можно считать то, что оба языка регулируются государственными органами: простой язык находится в ведении Шведского института языка и фольклора (*ISOF*), тогда как ясный язык в настоящее время регулируется Ведомством по обеспечению доступной информационной среды (*MTM*), но оба они имеют отношение к государственной языковой политике Швеции.

Стоит также добавить, что оба термина могут относиться не только к письменным текстам, но и к устной речи (Josephson, 2018, 223). Изучение ясного языка в устной звучащей речи в рамки нашего исследования не входит.

В настоящей работе будут главным образом рассматриваться особенности ясного шведского языка (*lättläst svenska*), который мы будем понимать как регламентированный органами языковой политики язык текстов и устной речи, специально адаптированный для читателей с различного рода функциональными нарушениями, а также людей со слабыми навыками чтения на шведском языке.

1.2. История развития и организация работы по ясному языку в Швеции

Шведское Ведомство по обеспечению доступной информационной среды (*Myndigheter för tillgängliga medier, MTM*) – это государственный орган, являющийся структурным подразделением Министерства Культуры Швеции. Главная задача органа – обеспечивать и регулировать доступность информации преимущественно для тех категорий населения, которые в силу своих возможностей могут испытывать трудности в ее получении. К таким социальным группам относятся упомянутые в предыдущем параграфе люди с различными когнитивными, интеллектуальными, а также функциональными нарушениями. Важно отметить, что в этот состав входят не только группы, испытывающие трудности в чтении, но и те, для которых традиционное чтение само по себе является невозможным: например, люди с инвалидностью по зрению. Отметим также, что история возникновения Ведомства началась именно с этой целевой группы.

Еще в 1892 году в Стокгольме была открыта библиотека Брайля, которая в 1912 году была передана Шведской Ассоциации слепых (B. Christensen Sköld, 2009, 7). Позже (в 1955 г.) Ассоциацией стали отпускаться аудиокниги. Таким образом, сформировалась библиотека с аудио-книгами и тактильными книгами

на языке Брайля (шв. *Talboks- och punktskriftsbiblioteket, TPB*), которая стала государственным учреждением в 1980 году, а в 2013 году переименовалась в Ведомство по обеспечению доступной информационной среды (*Legimus*, официальный сайт).

Параллельно на фондовой основе развивалось другое учреждение, начало которому было положено изданием в 1968 году первой книги на шведском ясном языке (*MTM*, официальный сайт). Первой “ясной” книгой явилась адаптация художественного романа шведского писателя Пера Андерса Фогельстрёма “Лето с Моникой”. Авторами и издателями книги была инициативная группа (*LL-gruppen*), относившаяся к Совету по школьному образованию (шв. *Skolöverstyrelsen*, здесь СШО), органу, который с 1920 по 1991 ведал вопросами школьного обучения. В группе состояло около десяти участников из сектора культуры и сектора образования (U. Bohman, 2021, 548). “Ясная” версия романа была опубликована разными издательствами на средства, выделенные СШО. Впоследствии, в течение 1970-х и 1980-х эта инициативная группа отвечала за издание книг на ясном языке. Она оказывала финансовую поддержку независимым издательствам, выпускающим “ясные” книги, осуществляла редакторскую помощь. Отметим также, что первой ее целевой группой стали люди с интеллектуальными нарушениями. Таким образом началась работа над ясным языком в Швеции, а также впервые была осознана необходимость выпускать подобную литературу.

Несмотря на то, что первыми “ясными” книгами в Швеции были переводы художественной литературы, очень скоро появилась инициатива адаптировать информацию публицистического характера. В 1984 году впервые появилась шведская новостная газета на ясном языке *8 Sidor* (буквально - “8 страниц”), а спустя три года сформировался фонд под названием Центр ясного языка (шв. *Centrum för lättläst*), взявший под свою ответственность сперва выпуск газеты, а затем, с присоединением к фонду издательства ясной литературы *LL-förlaget*, и других изданий на ясном языке (*MTM*, официальный сайт). Впоследствии образовалось еще одно структурное подразделение,

специальная коммерческая Служба по ясному языку (шв. *Lättläst-tjänsten*), которая по заказу осуществляла услуги по адаптации текстов на ясный язык для различных компаний и организаций. Все эти подразделения функционируют до сих пор в несколько измененном виде. Издательский дом *LL-förlaget* на протяжении многих лет был ведущим шведским издательством ясных книг. С момента своего возникновения издательство выпустило более 1000 наименований, включая также научно-популярные, исторические, кулинарные книги (Vohman, 2021, 549).

В конце 2014 года Центр ясного языка был вынужден прекратить свою деятельность. С 2015 года ответственность за ясный язык закрепляется за Шведским Ведомством по обеспечению доступной информационной среды, на тот момент занимавшемся преимущественно выпуском аудиокниг и книг Брайля. Не вошла в Ведомство лишь Служба по ясному языку, так и оставшись коммерческим учреждением.

Рисунок 2 – Современная организация шведского Ведомства по обеспечению доступной информационной среды

Таким образом, на сегодняшний день Ведомство издает аудиокниги, аудио-газеты и журналы, книги и газеты на языке Брайля, тактильные книги с картинками, литературу на языке жестов и разножанровую литературу на ясном языке (Рис. 2). Публикуются как печатные, так и электронные издания. Ведомство регулярно проводит работу по увеличению уровня осведомленности

граждан о доступе к ясной литературе, а также в будущем претендует на становление научным центром в сфере ясного языка (M. Ramdén, 2022, личная переписка).

На практике работа Ведомства по изданию литературы на ясном языке выглядит следующим образом. Газета “8 Sidor” имеет собственную редакцию штатных журналистов, которые пишут об актуальных новостях на ясном языке. Новостные статьи доступны на официальном сайте. Также есть возможность выписывать печатную газету. Над книгами, выпускающимися ныне официальным издательством *LL-förlaget*, работают внештатные писатели, причем это могут быть как оригинальные работы художественного и публицистического характера, так и специально переведенные на ясный язык существующие произведения, чаще всего адаптации шведских классиков и современных писателей. Все книги проходят через редакторов, работающих внутри Ведомства, после чего публикуются официальным издательством (Ramdén, 2022, личная переписка).

Важно отметить, что существует также несколько коммерческих шведских издательств, выпускающих литературу на ясном языке для детей и взрослых. К ним относятся, например, издательства *Vilja* и *Nipon, Hegas, Hedvig*, публикующие литературу разных жанров для широкой целевой аудитории. После того, как МТМ возглавило работу над ясным языком, роль коммерческих издательских домов заметно возросла. Целевая группа официального издательства *LL-förlaget*, наоборот, несколько сузилась, и ныне сконцентрирована на нуждах людей с интеллектуальными и нейропсихиатрическими нарушениями, пожилых лиц с деменцией, дислексиков и взрослых людей, изучающих шведский (Bohman, 2021, 549).

Как правило, степень и характер нарушений определяют *уровень ясного языка*. Согласно Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (IFLA), уровень языка ясной литературы и ее содержание устанавливается книжными издательствами самостоятельно в соответствии с их целевыми группами, для которых они выпускают книги (Guidelines for

easy-to-read materials, 2010, 12). При этом газеты на ясном языке, как правило, сохраняют единообразие языкового уровня. Таким же образом функционирует производство ясных текстов в Швеции. Новостные статьи в газете *8 Sidor* не дифференцируются по уровню языка, а каждое книжное издательство предлагает свое деление на уровни. Так, в ведущем издательстве *LL-förlaget* представлены книги трех разных уровней: *lätt* (легко), *lättare* (легче) и непосредственно *lättläst* (ясный язык), где наиболее простым является последний. Так данные уровни описывает У. Буман:

- **“Ясный язык” (*lättläst*)**. Книги имеют небольшое количество текста, зачастую всего по несколько предложений на каждой странице, и сопровождаются иллюстрациями, способствующими пониманию изложенного. Используется простой вокабуляр и короткие, полные предложения. Избегаются местоимения и вспомогательные глаголы. Характер текста – сугубо повествовательный. Сюжет художественных произведений прост, затрагивает повседневные реалии, знакомые читателям, количество главных героев не превышает двух. Нехудожественная литература этого уровня касается одной, четко обрисованной темы.
- **“Легче” (*lättare*)**. Характеризуется хронологическим, хорошо структурированным повествованием, широко используемым вокабуляром. Предложения так же просты и коротки, однако в тексте может присутствовать небольшое количество сложноподчиненных предложений. Количество персонажей сохраняется небольшим, описания почти отсутствуют. Короткие (3-8 страниц) главы, изображения занимают меньший объем книги и не всегда имеют цель облегчить восприятие текста. При этом издания в мягкой обложке обычно не снабжены иллюстрациями.
- **“Легко” (*lätt*)**. Используются более длинные предложения, менее употребимая лексика. Встречаются сложноподчиненные предложения, а также метафоры. Повествование не всегда построено в хронологическом

порядке. Возможно наличие нескольких героев. Тем не менее, в нехудожественной литературе этого уровня всегда имеются иллюстрации, помогающие понять суть текста.

Другие шведские издательства “ясной” литературы имеют собственные градации по уровням.

Стоит оговориться, что наряду со службой *LL-tjänsten*, не получившей государственной поддержки, за последние годы появилось множество коммерческих предприятий, предоставляющих услуги по переводу информационных текстов на ясный язык для частных фирм, ведь для частного сектора наличие информации об услугах своего бизнеса на простом и ясном языках – вопрос улучшения коммуникации между покупателем и продавцом. Кроме того, результаты их деятельности не подвергаются какой-либо проверке от официальных организаций, отвечающих за ясный язык (Ramdén, 2022, личная переписка). Таким образом, можно говорить о проблеме отсутствия единства, появления различных взглядов на то, как должен выглядеть текст на ясном языке. С другой стороны, большинство работников частных служб проходили специальное обучение в службе *LL-tjänsten* (Bohman, 2021, 560).

Чуть более подробно необходимо сказать об обучении. Несмотря на развитую систему работы над ясным языком, высшего образования в этой области в Швеции нет. Гётеборгский, Лундский, Стокгольмский университеты, а также Университет Умео в рамках специализированной образовательной программы обучают профессиональных экспертов в области языка коммуникации (*språkkonsulter*), однако эта программа сосредоточена на простом языке и не затрагивает ясный язык.

Также нужно оговориться, что развитие шведского ясного языка всё время основывалось на практической работе с текстами и в диалоге с реципиентами, нежели на основе теоретических исследований (Bohman, 2021, 559). Долгое время в Швеции считалось, что в специальных навыках для работы с ясным языком нет необходимости. Позже ситуация стала постепенно улучшаться. В годы своего существования Центр ясного языка регулярно проводил обучение

по работе с ясным языком, основываясь на собственном многолетнем опыте. Однако на данный момент единственный доступный способ получить образование в данной области – пройти курсы, предлагаемые упомянутыми выше частными службами.

Такой подход повлек за собой проблему нехватки научных теоретических сведений в области ясного языка. Несмотря на попытку Центра ясного языка создать взаимодействие с научными институтами и стимулировать развитие научной мысли в этой области, до сих пор было проведено очень мало исследований. В основном они носят характер бакалаврских и магистерских выпускных квалификационных работ. На сегодняшний день в Швеции опытными специалистами издано лишь две книги об особенностях ясного языка: “Ясный язык: как это работает?” (*Lättläst – så funkcar det*) Марии Сундин 2007 года и “Что такое ясный язык?” (*Vad är lättläst*) И. Лундберга и М. Рейхенберг 2009 года. Настоящее исследование во многом опирается на эти труды, на анализ официальных сайтов организаций, а также на личное общение с представителями Ведомства.

Таким образом, работа над ясным языком в Швеции проводится уже более полувека, имеет государственную основу, является одним из направлений деятельности Ведомства по обеспечению доступной информационной среды, которое, помимо производства литературы на ясном языке, занимается издательством аудиокниг, тактильных книг и книг на языке жестов. Преемственность в работе с ясным языком в Швеции основывается на многолетней передаче практических знаний и опыта, а также получении обратной связи от собственной целевой аудитории, нежели теоретических исследованиях внутри данной области. Подготовка специалистов по ясному языку осуществляется главным образом в рамках специальных курсов, проводимых компетентными организациями, а также частными опытными специалистами.

1.3. Трудности, связанные с чтением. Оценка удобочитаемости текстов

Понимание психологических механизмов чтения занимает одно из важнейших мест в педагогике, психологии, дидактике, а также методике обучения родному и иностранным языкам и, начиная со второй половины XX века, широко изучалось такими отечественными исследователями как А.Н. Соколовым, А.Р. Лурием, З. И. Клычниковой, Е.Р. Корниенко и другими. Не вызывает сомнения и тот факт, что знание психологической природы чтения необходимо и в специальной педагогике для успешной адаптации текстов на язык, понятный людям с особыми потребностями.

Значимость понимания процесса чтения и восприятия письменного текста для работы с ясным языком подчеркивает и шведская исследовательница Мария Сундин (Sundin, 2007, 27). Традиционно, в отечественных трудах принято разделять чтение на два параллельных процесса: *восприятие*, то есть чувственное познание, связанное с физической рецепцией сенсоров, и *понимание*, т.е. смысловое восприятие текста (Клычникова, 1973, 11).

Похожим образом высказывается о природе чтения Мария Сундин, выделяя процесс *декодирования* и непосредственно *понимания* текста. Прежде всего читатель с помощью органов восприятия распознает слово в тексте. Восприятие зрительного образа слова сопровождается актуализацией его слухомоторного образа или внутренним проговариванием, которое у зрелого читателя сворачивается (И.А. Бредихина, 2018, 61). Затем происходит узнавание слова, т.е. соотношение его образа со значением, после чего приходит понимание смысла. Поэтому, если значение слова неизвестно читателю, например, в связи с декодированием незнакомого слова на иностранном языке, понимание смысла высказывания станет ограниченным или вовсе невозможным.

Полученное значение сопоставляется с другими компонентами текста, такими как окружающие слова, структура предложений, контекст, жанровая принадлежность и общий посыл (Sundin, 2007, 54). Н. Д. Гальскова отмечает,

что у зрелого читателя процессы чувственного восприятия и смыслового понимания текста сливаются в один, позволяя ему концентрировать свое внимание на смысловой стороне текста (Гальскова, 2000, 224).

Определить уровень чтения возможно с помощью отслеживания взгляда читающего. Известно, что во время движения взгляда по строке происходят скачкообразные движения глаза с остановками на слове, группировке букв и т.д. Во время этих остановок (фиксаций) происходит декодирование информации. Чем сложнее текст, чем больше в нем трудночитаемых или неизвестных слов, тем чаще фиксаций производит чтец. Этим отличается опытный читатель от начинающего – у первого поле чтения значительно шире. У неопытного читателя, кроме того, глаз не только движется вперед, но и часто совершает обратные (регрессивные) движения (Гальскова, 2000, 221). На увеличении поля чтения и манипуляцией с фиксацией взгляда построены множество известных нам техник чтения (чтение “по диагонали”, чтение “зигзагами” и т.д.).

Еще одним важным видом умственной деятельности в процессе чтения является функция памяти. Складывая из букв слоги, а из слогов слова, человек задействует кратковременную память, которая, как известно, способна хранить от 5 до 9 порций информации, или 7 ± 2 графических образов в одну фиксацию и делает в среднем 4-5 фиксаций на одной строке (Клычникова, 1973, 15). Читатель с большим объемом кратковременной памяти воспринимает текст качественнее и быстрее.

В методике обучения иностранным языкам значимую роль при восприятии иностранного текста играет также вероятностное прогнозирование, то есть “процесс упреждения целого, предвидение элементов, последующих за данным элементом, на основе априорной вероятности их появления в апперципируемом целом” (И.А. Зимняя, 2001, 63). Прогнозирование во многом облегчает восприятие текста и связано с объемом фоновых знаний по теме текста, а также построением вероятностных гипотез относительно его содержания и умением быстро в процессе чтения принимать нужную из них. Именно поэтому, например, тексты во всех современных коммуникативных

учебниках иностранных языков сопровождаются обязательным наличием предваряющего вопроса (“Посмотрите на название / картинку. Как вы думаете, о чем будет сказано в тексте?”), а также иллюстраций, помогающих подключить фоновые знания учащихся и построить верную гипотезу. Разумеется, механизм вероятностного прогнозирования похожим образом функционирует и на родном языке. Используя его, можно в значительной степени облегчить восприятие текста любому читателю.

Таким образом, распознавание, запоминание, хранение, прогнозирование, обработка и анализ информации – важнейшие когнитивные функции, необходимые человеку для успешного прочтения текста. При адаптации текста на ясный язык важно помнить, что у различных целевых групп эти функции развиты по-разному. Поэтому, как уже было упомянуто в параграфе 1.1, нужно в первую очередь понимать, для кого адаптируется текст. И. Лундберг и М. Рейхенберг описывают следующие потребности различных реципиентов (Таб.1):

Целевая группа	Трудности
<i>Дети, обучающиеся чтению</i>	Проблема соотношения “буква - звук”. Необходимы тексты со словами, которые ребенку будет несложно расшифровать и понять. Важно обращать внимание на структуру предложения. Что не менее важно, тексты должны быть интересны ребенку. Уровень чтения развивается с разной скоростью, необходимо подбирать не слишком простые и не слишком сложные тексты.
<i>Читатели с дислексией</i>	Эта группа обладает развитым умением понимать сложную информацию. Главная трудность дислексиков - в расшифровке алфавитного кода. Тексты должны содержать слова, которые несложно декодировать, т.е. короткие, без длинных консонантных групп. Повышение сложности текстов должно происходить медленно.
<i>Читатели</i>	с Трудности удержания головы в недвижимом положении,

<i>моторно-двигательными нарушениями</i>	концентрировании взгляда на письменном тексте, передвижения взгляда по тексту, нарушения речевой моторики. Эта группа часто имеет проблемы, близкие к трудностям дислексиков, а также сложность концентрации внимания. Им необходима графическая ясность и четкие, понятные изображения, чтобы самостоятельно освоить содержание текста.
<i>Читатели с СДВГ</i>	Невозможность длительной концентрации внимания. Тексты для этой группы должны быть краткими и четкими, с легким типографическим оформлением. Облегчение декодирования слов и упрощение языкового наполнения текста для людей с СДВГ не требуется.
<i>Читатели с аутизмом и синдромом Аспергера</i>	Мало изученная группа. Известно, что они легко воспринимают информативные тексты, инструкции, хорошо понимают фактическое содержание. Однако им трудны тексты художественной литературы из-за низкой способности к эмпатии. Тем не менее, если ход событий произведения логичен и ясен, представители этой группы могут воспринимать и литературные образы. Этим людям подходят тексты, имеющие четкую логическую структуру, прямое хронологическое повествование, но не требующие глубокого эмоционального сопереживания героям.
<i>Читатели с задержкой умственного развития</i>	Скудный словарный запас, особенно касающийся абстрактных слов. Ограниченный объем кратковременной памяти. Тексты должны состоять из простых, широко употребляемых слов с конкретным значением, коротких предложений. Содержание должно быть четким и лаконичным, а основная мысль должна ясно прослеживаться в тексте. У этой группы также существует проблема связи слов в тексте, поэтому вместо использования синонимов им необходимы лексические повторы, но важно соблюдать меру. Также в приоритете хронологический порядок повествования, избегаются образные выражения, фразеологизмы,

	ирония.
<i>Читатели с задержкой речевого развития</i>	Если трудности связаны в первую очередь со звуковой стороной языка, этой группе необходимы такие же тексты, что и дислексикам. Трудности с грамматикой, словарным запасом и пониманием требуют текстов, приближенных к потребностям людей с задержкой умственного развития. Однако важно помнить, что речевые трудности могут встречаться у людей с высоким уровнем <i>общего интеллектуального развития</i> и не переборщить с упрощением.
<i>Читатели, имеющие иной языковой и культурный фон</i>	Сложность в понимании некоторых слов и, возможно, структуры предложений, фразеологизмов и метафор. Самый главный вопрос, согласно Лундберг и Рейхенберг, – упрощать такие тексты или стараться максимизировать использование аутентичных текстов, – пока не находит единогласия у исследователей.

Таблица 1 - Особенности восприятия письменного текста различными целевыми группами

Ранее в параграфе 1.2 нами были описаны уровни “ясных” книг, публикующиеся официальным издательством *LL-förlaget*. Как видно из представленных характеристик, не так просто подобрать универсальный уровень одной или, тем более, сразу нескольким целевым группам. Так, например, учитывая интеллектуальные способности людей с дислексией, им, с одной стороны, подойдет литература уровня *Lätt* (“легко”), однако важно убедиться, что она не изобилует длинными трудночитаемыми словами. Читателям с СДВГ необходимы короткие тексты с четким оформлением, однако книги уровня *Lättläst* (“ясный язык”) могут казаться чересчур примитивными для этой группы. Даже читателям с синдромом Аспергера невозможно подобрать один универсальный уровень: если необходимо найти художественное произведение, это, скорее, будет книга уровня *Lättläst* (“ясный

язык”), однако при подборе книг нехудожественных жанров таким читателям могут подойти книги уровней *Lättare* (“легче”) и даже *Lätt* (“легко”).

На официальном сайте издательства *LL-förlaget* указаны лишь уровни книг, но не соответствие потребностям той или иной целевой группы. То же можно сказать о коммерческих издательствах *Nypon*, *Vilja*, *Hegas*. Очевидна проблема подбора литературы, отсутствие четкой взаимосвязи между потребностями читателя и языковым уровнем текста. Таким образом, отбор литературы для конкретной группы читателей пока остается индивидуальным решением.

Как было упомянуто в параграфе 1.2, дифференциация литературы по уровню определяется самим издательством исходя из собственного опыта работы с ясным языком, особенностей целевой аудитории и других критериев. Еще одним способом объективной оценки сложности текста можно назвать применение *формул удобочитаемости* текста, активно вошедших в обиход во второй половине XX века. Под удобочитаемостью (англ. – *readability*, шв. – *läsbarhet*) понимают величину, показывающую, насколько понятным и легким является текст (К. В. Самойленко, 2018, 41). Оценки удобочитаемости опираются на различные статистические характеристики: среднюю длину предложения, среднюю длину слов, количество слогов в слове и т.д. На сегодняшний день существует множество формул удобочитаемости текста, большинство из них были разработаны американскими учеными для английского языка. Например, наиболее известной формулой является индекс удобочитаемости Флеша (*Flesch Reading Ease*), который для русского языка рассчитывается по специальной формуле (рис 3). Чем выше полученное число, тем легче текст. В данном параграфе будут рассмотрены лишь основные метрики, релевантные для шведского языка.

$$\text{Индекс Флеша} = 206.835 - 1.3 \left(\frac{\text{количество слов}}{\text{количество предложений}} \right) - 60.1 \left(\frac{\text{количество слогов}}{\text{количество слов}} \right)$$

Рисунок 3 – Индекс удобочитаемости Флеша для текста на русском языке

В 1968 году шведским учёным и педагогом Карлом-Хуго Бьёрнссоном был разработан индекс удобочитаемости для шведского языка (шв. *Läsbarhetsindex*, или *LIX*). Изучая лексику и грамматику шведского языка, он пришел к выводу, что длина предложения и доля длинных слов являются наиболее релевантными факторами удобочитаемости (Н. Vjörnsson, 1968, 56). Удобочитаемость по Бьёрнссону рассчитывается по следующей формуле:

$$LIX = \frac{A}{B} + \frac{C \cdot 100}{A}$$

где А – количество слов в тексте, В – количество предложений в тексте, С – количество слов длиннее 6 букв. В отличие от формулы Флеша, текст считается тем легче, чем меньшее число получаем в результате. Индекс удобочитаемости Бьёрнссона интерпретируется следующим образом (Таб.2):

Индекс удобочитаемости	Интерпретация
< 30	Очень легко, детская литература
30-40	Простой текст, популярная пресса
40-50	Средняя сложность, публицистическая литература
50-60	Сложно, официальные тексты
> 60	Очень сложно, тексты, написанные канцелярским языком

Таблица 2 – Интерпретация индекса удобочитаемости по Бьёрнссону

Данная метрика широко использовалась для адаптации литературы как на ясный, так и на простой языки, но и активно подверглась критике (Н. Mühlenbock, 2013, 24). Среди ее наиболее крупных недостатков выделяют следующие:

1. Игнорирование употребимости лексической единицы: слово может быть коротким, но редко использоваться в речи, а потому будет усложнять

понимание (например, устаревшее существительное *mörja* – “сор, грязь”). Наоборот, широко употребляемая, но состоящая из большого количества букв лексика (например, *fotbollsspelare* – “футболист”) будет считаться сложной.

2. Игнорирование расстояния между субъектом и предикатом. Лундберг и Рейхенберг в пример приводят следующее предложение: *Läkaren, som var tämligen ålderstigen, skrattade*, (“Учитель, который был уже давно в годах, рассмеялся”). Исследователи подчеркивают, что для того, чтобы читатель мог успешно улавливать связь слов в предложении, необходимо, чтобы эти слова находились близко друг к другу.
3. Игнорирование пассивной конструкции (*Under iakttagande av tystnad intogs måltiden*, “Трапеза сопровождалась соблюдением тишины”). Кроме того, в этом предложении мы видим пример номинализации (*iakttagande*), то есть использование отглагольных существительных, характерных для официально-делового шведского языка.
4. Зависимость сложности текста от грамматического времени. В прошедшей форме шведского глагола *hamnade* (“попал, очутился”) более 6 букв, однако едва ли можно сказать, что по сложности оно чем-либо отличается от настоящей формы *hamnar*, в которой ровно 6 букв. Оценивая текст, написанный в настоящем и прошедшем времени, формула сочтет последний более сложным, однако это не всегда справедливо.

Мы бы также добавили, что при расчете удобочитаемости по формуле Бьёрнссона игнорируется и склонение существительного. Возьмем, например, форму единственного числа слова *kvinna* (“женщина”), состоящую из 6 букв. Определенная форма этого же существительного в единственном числе выглядит так: *kvinnan* (7 букв), неопределенная форма множественного числа – *kvinnor* (7 букв), а определенная форма во множественном числе – *kvinnorna* (9 букв). Однако, если некоторые исследователи склонны считать это недостатком формулы (Н. Mühlenbock, 2013, 28), то сам Бьёрнссон утверждает, что в связи с

“порционным” характером фиксации взгляда на единицах информации последние, более длинные дериваты всё равно будут представлять большую сложность при прочтении. Кроме того, в ответ на критику автор указывает, что его формула не предназначена для использования при написании текста, ее релевантно применять для оценки готовой работы, чтобы регулировать долю длинных предложений и длинных слов на текст в целом, анализируя его целиком (Н. Vjörnsson, 1968, 59).

На сегодняшний день формула удобочитаемости Бьёрнссона перешла в удобный цифровой формат и может быть рассчитана онлайн на сайте www.lix.se. Кроме того, формула дополнена другими метриками, оценивающими сложность текста с точки зрения лексики, такими как американская формула *TTR* (*Type/token ratio*) и шведские *OVIX* (*ordvariationindex*) и *OVR* (*ordvariationratio*), рассчитывающие коэффициент лексического разнообразия (Рис. 4). Сервис также определяет частотность слов в анализируемом тексте и составляет соответствующий список с указанием количества употреблений того или иного слова.

Ordvariation	
Type/token ratio (TTR)	80 %
Ordvariationsindex ^a (OVIX)	77,15
Ordvariationsratio ^b (OVR)	94,55 %

Рисунок 4 – Оценка лексического разнообразия текста с помощью сервиса www.lix.se

Формула расчета коэффициента лексического разнообразия *OVIX* определяет количество уникальных слов в тексте. Этот показатель измеряется путем подсчета слов, встречающихся в тексте один раз, по отношению ко всем словам в тексте:

$$OVIX = \text{количество уникальных слов} / \text{все слова} \times 100$$

Чем больше полученный коэффициент, тем сложнее считается текст. Самый большой недостаток этой формулы связан с тем, что она не учитывает разницу между леммой и словоформами. Другой коэффициент, *OVR*, в отличие

от *OVI*X, не зависит от длины текста и рассчитывается с помощью логарифмов на основе различия леммы и лексемы (types and tokens):

$$OVR = \log(\text{types})/\log(\text{tokens})$$

Таким образом, система *LIX* позволяет автоматически оценить сложность шведского текста с точки зрения длины слов и предложений и лексического разнообразия, т.е. количественных, внешних показателей текста.

В 2013 году на основе тщательного анализа важнейших формул удобочитаемости и наиболее релевантных критериев оценки сложности текста, учитывающих различные лингвистические и экстралингвистические факторы, Катарина Мюленбок разработала модель формулы удобочитаемости *SVIT* (Syntax, Vokabulär, Intressegrad, idéTäthet). Предлагаемая модель призвана оценивать сложность текста с точки зрения следующих уровней:

- внешний;
- лексика;
- синтаксис;
- смысловая насыщенность.

На внешнем уровне, подобно формуле Бьёрнссона, оценивается количество слов и длина предложений, рассчитывается число длинных слов (по Мюленбок, более 13 букв), а также повторяющихся словоформ. Лексика рассматривается посредством вычисления индекса разнообразия лемм (*Lemma Variation Index, LVI*X) и доли сложных слов. *LVI*X рассчитывается по формуле:

$$LVI\ X = \frac{\log(N)}{\log(2 - \frac{\log(U)}{\log(N)})}$$

где *N* равен количеству лемм, а *U* - количеству уникальных лемм (т.е. встречающихся в тексте единожды). *Сложными* по Мюленбок являются слова, не представленные в категориях *C*, *D* и *H* Шведского базового словаря (SweVoc)¹.

¹ Категория *C* Шведского базового словаря включает в себя 2 200 словарных форм, присутствующих в соге vocabulary базовом словаре/лексиконе. Категория *D* состоит из лемм слов, обозначающих повседневные

Синтаксис оценивается посредством измерения среднего расстояния между элементами в дереве синтаксического разбора, его средней “высоты”, доли придаточных предложений и количества определений, относящихся к существительным.

Смысловая насыщенность выявляется с помощью подсчета среднего количества пропозиций, соотношения существительных, предлогов и частиц к глаголам, местоимениям и наречиям (*nominal ratio*) и существительных к местоимениям (*noun/pronoun ratio*).

К. Мюленбок также предполагает возможность оценки такого критерия как *персональный интерес* посредством подсчета доли имен собственных в тексте.

Результаты апробирования этого метода среди шведских школьников поддержали гипотезу о том, что модель удобочитаемости *SVIT*, основанная на языковых характеристиках, полученных вычислительным путем и представленных на более глубоких уровнях, нежели чисто внешний, эффективна в оценке сложности текста, а также может установить связь между количественными и качественными характеристиками текста (Mühlenbock, 2015).

Среди шведских издательств “ясной” литературы сохраняется неоднородность мнений относительно применения формул удобочитаемости для оценки сложности готовых текстов. Официальное издательство “ясной” литературы *LL-förlaget* отказывается от их применения, в то время как некоторые коммерческие компании активно задействуют метрики в своей работе (M. Ramdén, 2022, личная переписка). Одним из таких издательств, является, например, *Nypon och Vilja förlag*. Его главный редактор отмечает, что тексты на ясном языке создаются на основе рекомендаций, которые, в свою очередь, построены на существующих немногочисленных теоретических исследованиях, главным образом, авторства Лундберг и Рейхенберг. *LIX* используется редакцией в качестве поддерживающего средства для оценки

предметы и действия. Категория *H* представлена словоформами, наиболее часто встречающимися в письменном тексте (H. Muhlenbock, J. Kokkinakis, 2012).

удобочитаемости текстов, но является собой лишь небольшую часть всей процедуры оценивания (Н. Holmqvist, 2022, личная переписка). Вероятно, такой невысокий статус классических метрик удобочитаемости объясняет нераспространенность среди издательств “ясной” литературы и новой модели оценки удобочитаемости *SVIT*, несмотря на ее подтвержденную перспективность.

Таким образом, для написания текстов на ясном языке и их адаптации шведские специалисты прибегают к сочетанию различных мер. В большинстве своем написание, адаптация (перевод) и оценка удобочитаемости “ясных” текстов основывается на применении практического опыта, советов и рекомендаций специалистов в области специальной педагогики и языка коммуникации. Отсутствует единство мнений касательно уровней “ясной” литературы. Применение метрик удобочитаемости для совершенствования текстов и адаптации их к потребностям различных целевых групп в Швеции также не находит единства среди издательств и, кроме того, имеет сравнительно невысокий статус.

Выводы по Главе 1

1. Несмотря на ряд схожих черт, понятия *klarspråk* (простой язык) и *lättläst* (ясный язык), имеют принципиальную разницу: в то время как под простым языком понимается прежде всего язык официально-правовых документов, подстроенный в соответствии с нормами шведского языка под массового читателя, ясный язык – это специально адаптированный под нужды лиц с особыми потребностями язык текстов разных жанров. К реципиентам ясного языка относятся люди с различными когнитивными, психоневрологическими нарушениями, деменцией, дислексией, а также дети, обучающиеся чтению и лица, изучающие шведский язык, мигранты. Важнейшей общей чертой шведских простого и ясного языка является их регулирование государственными органами.

2. Книги на ясном языке начали выпускаться в 60-х годах XX века. Организация производства “ясной” литературы в Швеции построена следующим образом: государственный орган Шведское ведомство по обеспечению доступной информационной среды (*MTM*) регулирует деятельность ведущего издательства книг на ясном языке *LL-förlaget*. К Ведомству также относится редакция “ясной” газеты *8 Sidor*, имеющая собственный штат сотрудников. Кроме того, существует ряд коммерческих издательств “ясной” литературы, каждое из которых имеет собственные градации по уровню книг на ясном языке. Подготовка специалистов по ясному языку осуществляется преимущественно на частных курсах. Несмотря на успех Швеции в сфере ясного языка, до сих пор проведено сравнительно небольшое количество научных исследований по данной теме, при этом главным фактором достижений Швеции в развитии ясного языка является ее практический опыт.
3. Разным целевым группам необходима разная организация текста и языка. Подбор уровня текста для конкретного читателя остается индивидуальным вопросом. Для оценки того, насколько текст является сложным для восприятия, существуют формулы удобочитаемости, основанные на его количественном анализе – длина слов, длина предложений, количество сложных слов в тексте и т.д. Формулы удобочитаемости долгое время подвергались критике и ныне считаются непрактичным методом оценки сложности текста, поэтому при создании и адаптации “ясных” текстов шведские издательства чаще всего ограничиваются собственными знаниями и опытом.

2. Теоретические основы исследования

2.1 Особенности преобразования текста на ясный язык: перевод и адаптация

Традиционно акт перевода в самом общем смысле принято считать процессом передачи информации на одном языке средствами другого языка. Такой точки зрения придерживаются многие отечественные исследователи, например О.С. Ахманова, И.Р. Гальперин, Г.В. Колшанский, А.В. Федоров и другие. Большинство лингвистов главной целью перевода считают обеспечение адекватного понимания текста реципиентом. В.Н. Комиссаров также подчеркивает, что целью перевода является создание текста, который не только бы всецело заменял оригинал, но и соответствовал ему “в функциональном, структурном и содержательном отношении” (Комиссаров, 1990, 7).

Однако, по мнению И.А. Бариновой и Н.М. Нестеровой, за последние годы подход к определению термина “перевод” претерпел значительные изменения. Анализируя современные взгляды на концепцию переводческой деятельности, авторы приходят к выводу, что нынешний подход вобрал в себя все семантические составляющие греческого и латинского слов “перевод”, в соответствии с которыми “перевести” означает “изъявить, выразить, истолковать”, а также “объяснять и комментировать” (Баринова, Нестерова, 2017, 12). Таким образом, авторы заключают, что понимание перевода как лишь межъязыкового процесса будет являться недостаточным и неполноценным.

О понимании перевода как процесса внутриязыкового пишет и Н.В. Нечаева. При этом к видам интралингвального перевода она относит реферирование, аннотирование и преобразование текстов под нужды целевой аудитории, к которой, в частности, относит перевод на ясный и простой языки (Нечаева, 2021, 100). Таким образом, перевод на ясный и простой языки исследователь определяет как “интралингвальный устный или письменный перевод (адаптация) текста при сохранении его основного информационного содержания”.

В предыдущей главе мы выяснили, что часть литературы на шведском языке создается в виде оригинальных, самостоятельных произведений, а другая ее часть представляет собой преобразование уже существующих текстов с учетом особенностей вышеупомянутых целевых групп. Очевидно, что в ходе этого преобразования могут происходить процессы, близкие переводческим трансформациям с одного языка на другой, а также, на наш взгляд, процедуры, схожие с внутриязыковой адаптацией литературы для изучающих иностранный язык, детской аудитории, читателей с иным социокультурным фоном. В связи с этим в качестве теоретической основы исследования мы считаем необходимым подробнее рассмотреть сущность и особенности таких понятий как “внутриязыковой перевод” и “адаптация”.

Одним из первых ученых, рассмотревших перевод в качестве интралингвального процесса, является Р.О. Якобсон. Согласно его концепции, внутриязыковой перевод или *переименование* понимается как “интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка” (Якобсон, 1978, 16). По Якобсону при таком виде перевода используются синонимичные слова или перифраза.

Концепция Романа Якобсона выносится на обсуждение и в других, более поздних работах. С его определением интралингвального перевода соглашаются большинство ученых, подходы которых мы анализируем в данном параграфе (С.И. Сидоренко, И.А. Барина, Н.И. Нестерова, Н.В. Нечаева, А.В. Павлова Л.Л. Нелюбин). Л.Л. Нелюбин, наряду с определением Р. Якобсона, дает термину “внутриязыковой перевод” еще несколько интерпретаций. По его мнению, внутриязыковой перевод имеет место во всех видах одноязычной коммуникации: при общении собеседники как бы выполняют роль “сурдопереводчиков”, поскольку постоянно поясняют и уточняют сказанное. Таким образом происходит переформулировка одной и той же мысли, включающая в себя ее упрощение или, наоборот, усложнение, то есть осуществляется “своего рода перевод, перевод-пересказ в кодах одной и той же знаковой системы” (Нелюбин, 2003, 31).

Несмотря на периферийный, по мнению С.И. Сидоренко, статус явления внутриязыкового перевода, который объясняется, с одной стороны, своей практической нераспространенностью, а, с другой, дискуссионным характером самого понятия, термин “внутриязыковой перевод” имеет полное право на существование. Во-первых, наличие такого вида перевода обуславливается потребностью в исторической адаптации текстов, обусловленной развитием культуры и социума (Сидоренко, 2013, 196). В качестве примера исторической адаптации исследователь приводит переводы “Беовульфа” и “Кентерберийских рассказов” на современный английский язык. С ним соглашаются Л.Л. Нелюбин, который относит адаптацию древнерусских текстов средствами современного русского языка к внутриязыковому переводу, и Е.М. Масленникова, упоминающая о переводах “Слова о Полку Игореве” на современный русский язык (Масленникова, 2015, 290). Сюда же, вслед за вышеуказанными учеными, мы можем отнести, например, перевод Библии Густава Васы 1917 года на современный шведский язык в 2000 году. Во всех перечисленных случаях мы имеем дело с *диахронным переводом*. Данное понятие применял еще В. Виноградов, имея в виду перевод текстов минувших веков с целью их осовременивания (Виноградов, 2001, 139). Диахронный интралингвальный перевод, подобно межъязыковому переводу, традиционно включает в себя трансформацию на всех языковых уровнях – лексическом, морфологическом и синтаксическом, а также, что, пожалуй, является его особенностью, орфографическом (Сидоренко, 2013, 200).

Вторым случаем, при котором необходим внутриязыковой перевод, Сидоренко считает разнородность языкового социума, то есть наличие языковых вариантов в том или ином языке. Здесь исследователь приводит термин *синхронный перевод* и пишет о двух его разновидностях – *межвариантный* и *нормализующий*. Под межвариантным переводом автор предлагает понимать перевод текста с одного национального или территориального варианта языка на другой. Так, например, известны случаи “американизации” детской английской литературы, в частности, серии романов

о Гарри Поттере, а также перевода американской литературы на британский вариант английского (например, “Великий Гэтсби” Фицджеральда). При этом, как подчеркивает Сидоренко, происходят не только замена отдельных лексических единиц, но и грамматические трансформации, и, что самое главное, имеет место изменение текста в целом, обусловленное основной целью перевода – обеспечением адекватного понимания языкового продукта иной целевой аудиторией.

Нормализующим переводом автор называет приведение диалектной, жаргонной, сленговой речи к нормам национального литературного языка. Такой перевод чаще всего относится к устной речи, а также носит познавательный, информативный характер. К нормализующему переводу можно отнести, например, демонстрацию различий между двумя диалектами одного языка (Сидоренко, 2013, 202).

Другими словами, внутриязыковой перевод – процесс, который так или иначе может возникнуть в любом языке при обновлении устаревших для современных языковых норм текстов, а также преобразовании одного варианта языка или его диалекта на другой. Что касается перевода на ясный язык, его функции несколько отличаются от описанных ученым ситуаций, однако мы вполне можем считать его одной из разновидностей внутриязыкового перевода, поскольку при этом преобразовании имеют место названные переводческие трансформации, происходящие внутри одного языка, а целью данного преобразования является, как и в любом переводе, достижение понимания текста его рецепторами. При этом для “ясного” текста существуют определенные нормы, касающиеся языка, структуры и графического оформления, в соответствии с которыми не только преобразуются старые произведения, но и создаются новые. Однако стоит оговориться, что при преобразовании текста на ясный язык, в зависимости от его характера и жанра, помимо классических переводческих трансформаций возможно и сокращение его объема, исключение некоторых фрагментов. Особенно это характерно для текстов художественной литературы, в которых часто переводчиком убираются

целые абзацы. Конечно, подобная обработка делает преобразование текстов меньше похожим на перевод в его традиционном понимании и более близким процессу адаптации.

К сожалению, термин “адаптация” является еще менее изученным, чем понятие “внутриязыковой перевод”. Многие отечественные исследователи разводят термины “перевод” и “адаптация”, считая последнюю несовместимой с переводческой деятельностью. Так, например, Р.К. Миньяр-Белоручев пишет, что при переводе происходит “передача сообщения, а всякого рода адаптации передают не сообщение, а общее содержание речевого произведения, т.е. сокращенно излагают, переделывают, пересказывают сообщение” (Миньяр-Белоручев, 1996, 36). Такой категоричный подход может быть связан с тем, что под переводом в целом традиционно понимается как можно более верное и полное выражение средствами одного языка той мысли, которая уже выражена ранее на другом языке (А.В. Федоров, Р.К. Миньяр-Белоручев, Я.И. Рецкер, Л.С. Бархударов). В результате, адаптированные переводы часто именуется “пересказами” и “переложениями” и имеют сравнительно невысокий статус.

Допускает адаптацию при переводе В.Н. Комиссаров. Он рассматривает перевод и *адаптивное транскодирование* в качестве элементов одного процесса – языкового посредничества. Под адаптивным транскодированием ученый имеет в виду такой вид языкового посредничества, при котором, помимо переноса информации с одного языка на другой, происходит и ее преобразование с целью представить ее в виде, предначертываемым “особой задачей межъязыковой коммуникации” (Комиссаров, 1990, 229). Особенностью такого транскодирования по Комиссарову является ориентация на определенную группу адресатов перевода или необходимую форму преобразования информации. К видам адаптивного транскодирования ученый относит сокращенный перевод, адаптивный перевод, а также стилистическую и прагматическую адаптации. При этом именно адаптированный перевод, согласно Комиссарову, выражается в пояснении и упрощении содержания и

структуры оригинала непосредственно в процессе перевода для обеспечения его доступности отдельным группам рецепторов. Однако ученый делает замечание, что такой вид перевода всё же не может полноценно заменить оригинал. Он пишет, что адаптивное транскодирование носит “парапереводческий характер и может быть представлено как объединение двух последовательных преобразований: перевод и заданная адаптация текста перевода”.

Точка зрения Комиссарова в той или иной мере нашла отражение в толковом переводческом словаре Нелюбина, где под адаптацией автор понимает различные преобразования текста, к которым относятся “упрощение его содержания и формы, а также сокращение” с целью приспособить его для читателей, которые “не подготовлены к знакомству с ним в его подлинном виде” (Нелюбин, 2003, 13). Таким образом, если пользоваться концепцией названных ученых, преобразование текста на ясный язык является скорее адаптацией, нежели переводом, особенно если принять во внимание цель данной процедуры – передать информацию неопытному, неподготовленному читателю. Отметим, что Нелюбин также считает, что адаптированные переводы отражают лишь основной сюжет оригинального произведения, далеко не в полной мере раскрывая особенности его стиля, то есть не могут считаться полноценными переводами.

О возможности единства перевода и адаптации свидетельствуют труды И.С. Алексеевой, которая относит ее к обработке текста при переводе, включающую в себя стилистическую обработку, выборочный, резюмирующий, авторизованный перевод и соавторство, а также обработку текста для детской целевой аудитории, неспециалистов, людей с иным лингвокультурным фоном (Алексеева, 2004, 23). Рассуждая о границах выбора переводчика, исследователь пишет, что они могут варьироваться в зависимости от цели и задач перевода. Например, при переводе текста для детской аудитории среди различных лексем будут выбраны “наиболее разговорные и наименее специальные варианты” (Алексеева, 2004, 6)

Иного мнения придерживается Р.З. Загидуллин. Им высказывается мысль о неделимости перевода и адаптации. Автор отказывается от концепции языкового посредничества, развитой Комиссаровым и рассматривает перевод как преобразование информации в процессе коммуникации. Он пишет, что любые тексты, переводимые на другой язык, включая и полные, и модифицированные переводы, “создаются в результате преобразований информации, сокращения и адаптации (т.е. адаптивного транскодирования в той или иной степени), в то же время даже выборочный перевод ... может быть для коммуниканта равноценным по содержанию тексту оригинала” (Загидуллин, 1993, 27). Переводчику, согласно Загидуллину, часто приходится выполнять функции редактора, информатора, критика оригинала. Таким образом, автор выделяет три вида перевода: полный, адаптированный и сокращенный, к последнему причисляя аннотацию, реферат, резюме, перевод сегментов текста.

Таким образом, в классическом понимании термины “перевод” и “адаптация” рассматриваются как два отдельных, имеющих свои уникальные особенности процесса, которые могут быть объединены при наличии специфической переводческой цели, однако большинство исследователей склонны воспринимать адаптированный перевод не равноценным полному переводу, а тексты такого перевода считать низкого качества. Обратим также внимание, что во всех перечисленных концепциях речь идет о межъязыковом переводе и последующей или незамедлительной его адаптации. Если говорить о преобразовании текста внутри одного языка, здесь нам может помочь точка зрения методистов, преподавателей иностранных языков. Подобно Нелюбину и Комиссарову, они рассматривают адаптацию как сокращение и упрощение оригинального текста, часто на иностранном языке, с целью обеспечения его понимания учащимися разных возрастов и уровней владения языком, а также в целях изучения этого языка (С.В. Первухина, 2011, 130). При этом учеными-методистами выделяется три уровня адаптации, на каждом из которых происходит:

- 1) непосредственно сокращение текста без изменения его грамматико-синтаксического строя;
- 2) изменение структуры предложений, устранение лексических единиц, относящихся к высокому уровню владения языком, и сложного грамматического материала;
- 3) методическая адаптация, т.е. разработка упражнений, вопросов, тем для обсуждения в соответствии с этапами работы учащегося с текстом в зависимости от цели работы с ним на конкретном уроке (Мартыненко, 2017, 64).

Именно первые два этапа имеют место при переводе художественной литературы на ясный язык. Что касается преобразования текстов информативного характера (брошюр, Интернет-текстов, текстов публицистики), для них, как правило, характерен лишь второй этап, т.е. преимущественно языковое преобразование или, как мы можем заключить вслед за С. Сидоренко, непосредственно внутриязыковой перевод.

Чтобы подытожить всё вышесказанное, для начала выделим практические процессы, имеющие место при преобразовании текста на ясный язык:

- *Сокращение оригинала*, т.е. извлечение из текста сложных / излишних для реципиента элементов, к которым могут относиться целые абзацы и предложения. Чаще к сокращениям прибегают при работе с художественными текстами, что может быть обусловлено их функцией – передать не фактическое содержание, а эмоции, настроение, мораль. По той же причине сокращения реже встречаются в текстах информативного характера: их главная функция – точная передача фактов, новостей и других сведений, поэтому сокращение оригинала может привести к неполноте передаваемого сообщения.
- *Упрощение языка оригинала или внутриязыковой перевод*, включающий в себя трансформации на лексико-семантическом, грамматическом и синтаксическом уровнях.

Таким образом, мы будем считать, что преобразование текстов на ясный язык включает в себя как внутриязыковой перевод, поскольку предполагает языковые трансформации на разных уровнях внутри одного языка, так и адаптацию, что обусловлено, с одной стороны, целью этого процесса, а, с другой, некоторыми методами его обработки, в частности – сокращением текста оригинала. При этом в данной работе мы будем анализировать непосредственно переводческие трансформации, возникающие в процессе работы с ясным языком, поскольку наш материал включает в себя тексты с фактическим, информативным содержанием.

2.2. Ясный язык как стиль

По мнению Е.М. Масленниковой, одним из видов внутриязыкового перевода может быть “стилистическая модификация” текста оригинала (Масленникова, 2015, 290). Под “стилистической модификацией” понимается “замена в процессе перевода элементов высказывания, которые принадлежат к одному функциональному стилю, элементами другого стиля” (Е.А. Тинякова, 2015, 41). Поскольку при переводе на ясный язык многие языковые элементы подвергаются упрощению, это, вероятно, оказывает влияние на стиль итогового языкового продукта. Таким образом, прежде чем приступить к лингвистическому анализу ясного языка, мы считаем важным изучить сущность понятия “стиль”, попытаться определить место ясного языка в системе стилей речи.

Термин “стиль” на сегодняшний день насчитывает большое количество трактовок, подходов и теорий. Данное понятие рассматривается в исследованиях эстетической функции языка, средств его выразительности и эмоциональной нагрузки, взаимоотношений между языком и мыслью, индивидуальной манеры письма автора, разграничения литературного языка на подсистемы, именуемые стилями и т.д.

Поскольку мы работаем с материалом шведского языка, обратимся к восприятию проблемы стиля шведскими лингвистами. В частности, П. Кассирер дает яркое описание проблеме расхождения взглядов на термин “стиль”. Он сравнивает данное явление с тем, как слабовидящие однажды описывали слона. Так как ни один из них не мог ощупать зверя полностью, одни воспроизводили его образ как “существа с одной большой ногой”, другие представляли себе хобот, а третьи что-то “твердое, торчащее и заостренное” (Cassirer, 2015, 17). Сам исследователь дает одно из наиболее, на наш взгляд, общих определений понятия “*стиль*”. С точки зрения Кассирера, *стиль текста* – это отношение между его формой, содержанием и производимым эффектом (Cassirer, 2015, 10).

В этой формулировке прослеживается связь с античным учением о стиле, для которого характерно рассмотрение стиля речи в связи с риторикой, ораторским искусством, то есть в виде способов воздействия на слушающего с помощью использования декоративных элементов речи. Стоит отметить, однако, что исходящее из античного представления понятие *стиля* как суммы приемов и способов, использующихся для украшения речи, давно критикуется и даже воспринимается как распространенное заблуждение (M. Murry, 1961, 112), поскольку предполагает отрыв формы от содержания, умаляет значение второго. Английский критик Джордж Сэйтсбери, например, утверждал, что “стиль – это подбор и распределение средств языка, в котором некоторую, второстепенную роль играет и передаваемое содержание” (Saintsbury, 1895, 319). На наш взгляд, описанный античный подход не может быть полностью проигнорирован, поскольку его связь с использованием средств выразительности для достижения определенного эффекта, что является одним из вопросов, рассматриваемых стилистикой, всё же весьма очевидна.

Д. Кристал и Д. Дэйви, принимая во внимание множество точек зрения на термин “стиль”, склонны связывать его с набором определенных черт, характеризующих особенность языка конкретного человека, (например, стиль У. Шекспира). Понимания стиля как *индивидуальной формы выражения*

придерживается и упомянутый нами выше английский ученый Миддлтон Мэррэй. Кристал и Дэйви, правда, также включают в понятие *стиль* особенности языка *группы людей* в определенный период времени, такие как стиль публичного выступления, стиль древнеанглийской героической поэзии и др. (D. Crystal, D. Davy, 1997, 9).

И.Р. Гальперин среди значимых подходов также рассматривает *утилитарный*, то есть понимание стиля как “системы обучения правильности речи” (Гальперин, 2021, 106). Стилистика в русле такого подхода приобретает прикладной характер, ее целью становится обучение правильному использованию языка, умению “хорошо писать и говорить”, а также выразить свою мысль наилучшим способом (F. Lucas, 1995, 32). Работы, написанные исходя из данной точки зрения, в большинстве своем содержат положения, отвечающие на вопросы: “Каким образом наиболее ясно и грамотно выразить мысль? Каких средств и конструкций стоит избегать?” и т.д. В какой-то мере наличие этих догм близко принципам, разработанным М. Сундин, И. Лундбергом и М. Рейхенберг, которые ныне используются большинством шведских издательств ясной литературы.

Необходимо упомянуть о еще одной точке зрения. 20-е годы XX века ознаменовались появлением в стилистике *функционального подхода*, который в противовес идее об индивидуальных, нерегулярных особенностях употребления языка указывал на системность и социальность использования экспрессивных средств. Основу функциональной стилистики составили идеи Ш. Балли, который выделял такие типы речевой коммуникации как разговорно-фамильярный, просторечные способы выражения, профессионально-терминологический язык и жаргоны, научный и административный типы коммуникации, литературно-художественный язык (Балли, 2009, 148). Эти типы речевой коммуникации позже легли в основу дифференциации функциональных стилей.

Функциональный подход является ключевым для отечественной стилистики, фундаментальными считаются труды В.В. Виноградова, И.В.

Арнольд, И.Р. Гальперина. В рамках этого подхода чаще используется термин *функциональный стиль*. И.В. Арнольд определяет *функциональный стиль* как подсистему языка, обладающую своими специфическими особенностями в лексике и фразеологии, в синтаксических конструкциях, в фонетике. Она выделяет научный, разговорный, деловой, поэтический, ораторский и публицистический стили. При этом одним из существенных критериев разграничения стилей является функция языка в определенной сфере общения: “публицистический стиль имеет своей основной функцией воздействие на волю, сознание и чувства слушателя или читателя, а стиль научный — только передачу интеллектуального содержания” (Арнольд, 2018, 169).

Гальперин подчеркивает, что дифференциация стилей речи базируется, с одной стороны, на разнообразии этих функций, а с другой – на использовании определенных языковых средств и стилистических приемов, характерных для данного стиля речи (Гальперин, 2021, 122). Частотное соотношение языковых средств также является важным фактором при определении характерных фигур речи: вероятность появления специального термина в разговорной речи совершенно иная, нежели в техническом тексте (Арнольд, 2018, 170).

Таким образом, вслед за упомянутыми учеными, в современной стилистике функциональный стиль чаще всего определяется как специфический “набор языковых знаков, которые присущи той сфере деятельности, в которой они употребляются, и определенная функция этих знаков, реализующихся в конкретных актах, жанрах”. (О.Е. Павловская, А.С. Стаценко, 2015, 62).

Здесь же необходимо отметить еще один подход, а именно понимание стиля как *отклонения от нормы*. Для того, чтобы выявить характерные особенности чего-либо, необходимо провести сравнение с неким эталоном. В стилистике таким эталоном принято считать “норму языка”. И.В. Арнольд в понятие “нормы” включает как нейтральный литературный стандарт конкретного языка, так и функциональные стили и диалекты (Арнольд, 2018, 164). Такой же точки зрения придерживается шведский лингвист Э. Велландер,

понимающий под стилем “каждый случай особого употребления языка, очевидно отличающийся от обычного употребления” (Wellander, 1973, 18).

Основу настоящего исследования составят эти два подхода, стиль, вслед за И.В. Арнольд, мы будем понимать как особую подсистему языка, которая “обладает своими специфическими особенностями в лексике и фразеологии, в синтаксических конструкциях, а иногда и в фонетике”.

Каждый функциональный стиль реализует общезыковые нормы, но в то же время имеет свои собственные нормы, определяющие отбор и употребление языковых средств. У лингвистов нет однозначного взгляда относительно количества функциональных стилей. Большинство исследователей признают существование *научного, официально-делового, публицистического и разговорного* стилей. По-прежнему в эпицентре дискуссий находится “художественный стиль”. Такие ученые как Н. Ю. Штрекер, Л. А. Введенская, М. Н. Черкасова не выносят его в качестве отдельного стиля, считая лишь совокупностью черт вышеобозначенных стилей, зависящей от цели конкретного автора. Другие (О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина, З. С. Смелкова), напротив, рассматривают художественный стиль в качестве неотъемлемой части системы. Похожая проблема на протяжении нескольких лет преследует ученых в вопросе о выделении церковно-религиозного функционального стиля в русском языке (Воронцова, 2009, 148).

К описанному выше можно добавить, что за последние годы в научной литературе стало фигурировать такое понятие как “Интернет-стиль”. Изучение языковых особенностей общения в Интернет-среде можно встретить в работах В.П. Антонова, Н.В. Бурениной, Л.Ю. Иванова и др. Статус нового функционального стиля под условным названием “Интернет-стиль” в настоящий момент неоднозначен, гипотеза его существования является спорной. Такое же неясное положение занимает “искусствоведческий стиль” (Стаценко, Павловская, 2015, 62).

Сложность разграничения функциональных стилей вытекает из разнообразия мнений касательно принципов, по которым их необходимо

дифференцировать. А.С. Стаценко и О.Е. Павловская среди них выделяют *сферу употребления* (где? кто собеседник? какую роль играю я? о чем с ним говорить?), *цель общения* (зачем говорить? что я хочу сказать?), *языковые особенности* (как говорить? как сформулировать? какие средства языка подходят?) и *реализацию в конкретных формах, или жанрах* (в каком виде я презентую свой текст?) (Рис.5).

Если пользоваться этими критериями, мы увидим, что, например, художественный стиль обладает лишь одним постоянным признаком – набором жанровых форм. Остальные три условия (сфера употребления, цель, языковые особенности) способны варьироваться в рамках конкретного художественного произведения.

Функциональный стиль			
Сфера употребления:	Цель общения:	Определенные языковые особенности:	Реализация в конкретных формах (жанрах)
<ul style="list-style-type: none"> – ситуация общения; – адресант и адресат (с учетом социальных статусов, количества людей); – тематика. 	<ul style="list-style-type: none"> – формулировка интенции; – формирование конечного речевого акта. 	<ul style="list-style-type: none"> – фонетические; – лексические; – морфологические; – синтаксические; – фразеологические; – эмоционально-оценочные. 	<ul style="list-style-type: none"> – внешние условия; – внутренние условия.

Рисунок 5 – Основные критерии выделения стиля как особой разновидности литературного языка (Стаценко, Павловская, 2015)

В то же время важно отметить тенденцию современных лингвистов считать основанием для выделения базовых функциональных стилей наличие социально значимой сферы коммуникации (Воронцова, 2009, 47). Это объясняет появление в литературе церковно-религиозного, искусствоведческого стилей, Интернет-стиля. Кроме того, функциональный стиль, как пишет И.В. Арнольд, “категория историческая”, выделение стилей зависит от этапа исторического развития общества (Арнольд, 2018, 324).

По этой же причине может возникнуть вопрос о возможности рассматривать “ясный язык” в качестве одного из функциональных стилей или же, что видится более реалистичным, изучить его языковые особенности с целью определения его места в системе функциональных стилей. Из предыдущей главы очевидно, что тексты на ясном языке возникают в иной ситуации общения, создаются для особого адресата особой группой людей и обладают особыми языковыми характеристиками. Цель общения на ясном языке в общем смысле можно определить как обеспечение людей, имеющих трудности с восприятием письменного текста, общедоступной информацией. Однако в связи с обилием художественной литературы на ясном языке целью также может быть не столько сообщение информации, сколько передача чувств, эмоций, настроения, а также ознакомление этих групп населения с литературой разных стран и эпох. Что касается реализации в жанровых формах, литература на ясном языке представлена в различных типах текстов, и здесь едва ли возможно выделить конкретный набор жанров.

В заключении хотелось бы упомянуть о таком условном понятии как “нейтральный стиль”, который выступает в качестве своеобразного беспризнакового фундамента для проведения стилистических оппозиций и выявления выраженных языковых признаков (Арнольд, 2018, 324). Исходя из рекомендаций по ясному языку, выделенных М. Сундин (см. Главу 2.3), ясный текст, особенно традиционно стилистически богатый текст художественного характера, может представляться как лишенный своеобразных стилистических черт, то есть быть близким к нейтральному. Кроме того, в соответствии с теми же рекомендациями, ясный язык предполагает отказ от сложных лексических единиц и грамматико-синтаксических конструкций, которыми часто изобилуют тексты официально-делового стиля. В соответствии с характером отобранного нами материала, в данной работе мы постараемся выяснить, к каким стилям близок ясный язык, с какими стилями он, напротив, схож менее всего, выявить его характерные языковые и стилистические черты.

2.3. Общие принципы создания текста на ясном языке

Как было сказано ранее, большинство шведских издательств ясной литературы опираются на рекомендации, разработанные исследователями Марией Сундин, Ингваром Лундбергом и Моникой Рейхенберг. Для того, чтобы перейти к практическому анализу ясного языка, необходимо в первую очередь рассмотреть эти принципы.

Всего в своей книге “Ясный язык: как это работает” Сундин приводит 12 тезисов о том, как должен выглядеть текст на ясном языке. Один из советов и первый же из них касается структуры текста. Он звучит так: “*Пишите кратко*”. Автор имеет в виду как непосредственно объем книги, так и объем информации, доводимой до читателя: “автор должен уметь выделять самое важное, урезать и выкидывать ненужную информацию, которая дает лишнюю нагрузку на память” (Сундин, 2007, 33). Два последних совета затрагивают графическое оформление текста. Согласно им, необходимо делить текст на специальные короткие строки, облегчающие чтение (шве. *radfall*), а также использовать удобочитаемый крупный шрифт, достаточный межстрочный интервал и четкое деление на абзацы.

Рассмотрим более подробно положения, касающиеся лексико-грамматических особенностей:

- “*Используйте простые предложения*”. М. Сундин, раскрывая данный тезис, подчеркивает, что восприятие, как правило, значительно осложняется, если подлежащее находится далеко от сказуемого из-за наличия между ними других частей речи, длинных определений и т.д. *Расстояние между подлежащим и сказуемым в предложении должно быть наименьшим.* В связи с ограниченными возможностями кратковременной памяти реципиентов, исследователь также призывает *избегать употребления длинных предложений.* Наконец, текст будет восприниматься тем легче, чем больше в нем предложений с *прямым порядком слов (SVO).*

- “*Пишите прямо*” (*skriv direkt*). Вместо выражения ”vill du skicka saltet” (“Не подадите ли соль?”) Сундин предлагает использовать простое и нейтральное: ”skicka saltet” (“Подайте соль”). Можно сказать, что исследователь побуждает нас к *отказу от употребления придающих тексту модальности вспомогательных глаголов*, которые так часто встречаются в шведской речи в качестве одной из форм вежливости (сравните “*Sulle du inte kunna ge mig en kopp kaffe?*”, “Не могли бы вы передать мне чашку кофе?” и “*Ge mig en kopp kaffe*”, “Дайте чашку кофе”), а также выступают маркерами официально-делового стиля (М. Нурдман, 1992). Кроме того, Сундин предлагает стремиться избегать выражений с отрицанием (*inte, aldrig* – “не, никогда”).
- “*Пишите в активном залоге*”. Употребление глаголов в активном залоге делает ясным, кем производится действие, и, следовательно, упрощает понимание происходящего в тексте. Сюда же необходимо включить мысль Лундберг и Рейхенберг о необходимости использовать личные обращения, строить взаимодействие с читателем. Речь, конечно же, идет главным образом об употреблении местоимения второго лица единственного числа *du*.
- “*Пишите простыми словами*”. Выбор слов необходимо производить тщательно, Сундин призывает использовать *часто используемую, несложную лексику*. В случаях, когда необходимо употребить сложное слово, автор текста должен дать ему пояснение с примерами.
- “*Избегайте образных выражений*”. Образные выражения, поясняет Сундин, представляют собой различные фигуры речи, например, метафоры: *att slåss för frihet* (“биться за свободу”), *benen var som gelé* (“ноги превратились в желе”). Избежание образных выражений упрощает восприятие текста многим группам читателей, особенно тем, у кого имеются психоневрологические нарушения.
- “*Избегайте двусмысленности*”. Имеется в виду в первую очередь *отказ от омонимов*.

- “Используйте конкретные слова и выражения”. Абстрактные и обобщающие обороты мешают легкому восприятию текста. Вместо словосочетания *kommunala lokaler* (“муниципальные учреждения”) Сундин предлагает указывать более конкретные *skola*, *dagis* (“школа”, “детский сад”) и т.д.
- “Употребляйте те же самые слова”. Известно, что текст считается хорошо написанным, если в нем употреблена разнообразная лексика. Однако для слабого читателя это может стать проблемой. Сундин считает лексические повторы в “ясных” текстах правомерными, а также подчеркивает важность использования очевидных ссылок на референта (идентичное повторение). Очевидно, исследователь предлагает стремиться к *отказу от синонимов*.
- “Избегайте частого употребления числительных”. Поскольку некоторым читателям сложно воспринимать числовые значения и помещать их в контекст, Сундин рекомендует делать выбор в пользу наречий *lite*, *mycket* (“мало”, “много”) или приводить конкретные сравнения, например, *Sängarna är smalare än våra sängar* (“Эти кровати уже, чем наши”) вместо *Sängarna är 69 cm breda* (“Эти кровати на 69 сантиметров шире”).

Мы считаем необходимым пояснить рекомендацию “Пишите простыми словами”. Под этим, с одной стороны, имеется в виду семантическая нагрузка слова. С другой стороны, идя вслед за Бьёрнсоном, нельзя не упомянуть и длины лексической единицы, то есть количества букв в ней. Как показали эксперименты Бьёрнсона, морфологические изменения, увеличивающие длину слова, влияют на его восприятие при чтении. Правомерным будет предположить, что, создавая текст на ясном языке, необходимо стремиться минимизировать использование сложных слов, громоздких лексических и грамматических дериватов. В частности, словосложение является одним из самых продуктивных способов словопроизводства в шведском языке, и зачастую слова, образованные таким способом, выглядят неудобочитаемыми (сравн. *Han var min ungdomsförälskelse* и *Jag älskade honom när jag var ung* –

“Он был моей **подростковой любовью**” и “Я **любила** его, будучи **подростком**”). В “ясных” текстах мы должны встречать минимум слов, образованных таким способом, то есть, вероятно, будем наблюдать *отказ от использования композитов*, которые составляют немалую часть шведской лексики. То же самое может касаться и производных слов.

Приведенный пример иллюстрирует еще одно явление, о котором часто пишут исследователями шведского языка – *номинализацию*. Номинализация является характерной чертой шведских официально-деловых текстов и основным фактором, затрудняющим их понимание (Wellander, 1974, 67). Кроме того, в шведском языке существует специальный термин, обозначающий явление чрезмерного употребления отглагольных существительных – *substantivsjukan* (“субстантивная болезнь”). Об этом явлении пишут такие ученые как Э. Велландер, П. Кассирер, М. Нурдман, И. Матыцина. С ним в том числе призывают бороться эксперты шведской языковой политики в рамках адаптации текстов на “простой” язык (см. Матыцина, 2003, Чекалина, 2019). Поскольку “ясные” тексты представляют собой еще более упрощенную версию языка, очевидно, что в них недопустима субстантивация и чрезмерное употребление конструкций с существительными в целом.

Подытожим приведенные выше указания и обозначим языковые явления, которым постараемся уделить внимание при практическом анализе:

1. Лексический аспект:

- Семантика: простая, часто употребляемая лексика;
- Сложные и производные слова;
- Употребление синонимов, лексические повторы;
- Употребление местоимения ‘*du*’;
- Числительные и количественные значения.

2. Грамматический аспект:

- Пассивный залог;
- Номинализация;
- Длина и структура предложений;

- *Порядок слов.*

Отметим также, что анализ тропов и фигур речи не входит в цель нашего исследования, поскольку образный язык является преимущественно чертой художественных текстов, не входящих в наш материал.

Выводы по Главе 2

1. Существует множество подходов к определению понятий “внутриязыковой перевод”, “перевод” и “адаптация”. Внутриязыковой перевод в общем смысле можно определить как перекодирование одних вербальных знаков с помощью других средствами одного языка. Внутриязыковой перевод обусловлен необходимостью преобразования устаревших текстов под современные нормы языка, а также перевода одного диалекта или варианта языка на другой. Преобразование текстов на ясный язык также можно рассматривать в качестве внутриязыкового перевода, так как оно предполагает произведение переводческих трансформаций на разных уровнях языка, однако мы будем считать, что оно включает в себя и некоторые элементы адаптации, например, сокращение, упрощение его языкового наполнения по принципу простоты, частотности, распространенности лексических единиц и грамматических конструкций. Преобразование текстов на ясный язык мы, таким образом, будем называть как переводом, так и адаптацией.
2. Перевод текста на ясный язык влечет за собой изменения в его стиле. Под стилем мы, вслед за И.В. Арнольд, будем понимать особую подсистему языка, которая “обладает своими специфическими особенностями в лексике и фразеологии, в синтаксических конструкциях, а иногда и в фонетике”. Для того, чтобы определить, к какому стилю более всего близок ясный язык, необходимо провести анализ языка текстов на ясном языке.

3. На основе изученных нами принципов в практическом анализе нашего материала мы будем обращать внимание на семантику лексических единиц (согласно рекомендациям, в ясном языке необходимо использовать простую, часто употребляемую лексику), сложные и производные слова, употребление синонимов, лексические повторы, употребление местоимения 'du', числительные и количественные значения, пассивный залог, номинализацию, длину и структуру предложений, а также порядок слов в них.

3. Грамматические особенности шведского ясного языка

3.1 Отказ от номинализации и номинативных структур

В параграфе выше мы обращали внимание на явление номинализации и борьбу с “субстантивной болезнью” (*substantivsjuka*). Мы считаем важным уточнить сущность этих понятий.

Йёста Оберг, автор книг о правильности шведского языка, пишет: “под “субстантивной болезнью” подразумевается использование сочетаний *framlägga förslag* (“выдвигать предложение”) вместо *föreslå* (“предлагать”) или *avlägga besök* (“наносить визит”) вместо *besöka* (“посещать, навещать”)”, то есть употребление отглагольных существительных (Åberg, 2001, 166). С этим соглашается И.В. Матыцина, в одной из своих работ она описывает “субстантивную болезнь” как явление, когда “вместо глаголов употребляются конструкции с отглагольными существительными” (Матыцина, 2020, 215). Точно так же “субстантивную болезнь” рассматривает Эрик Велландер. Он также называет её “самым опасным врагом глагола”, который лишает язык “гибкости и подвижности” (Wellander, 1973, 67).

Приведенные выше определения соответствуют отечественному пониманию номинализации, под которым подразумевается “процесс образования абстрактного существительного от глагола, а также само существительное, образованное таким путем” (В.П. Захаров, 2020, 159). При этом названный автор указывает, что в европейском понимании номинализацией также считается образование существительного от прилагательного, например абстрактное существительное *kindness* от прилагательного *kind*.

Действительно, американские лингвисты Марта Коллин и Лоретта Грей под номинализацией (*nominalization*) понимают процесс образования существительного путем добавления словообразовательного аффикса к другим частям речи, в примерах указывая те же глаголы и прилагательные: *legalize–legalization, friendly–friendliness* (M. Kolln, L. Gray, 2012, 266).

Возвращаясь к исследователям шведского языка, обнаруживаем схожую трактовку и у них. Специалист в области информационного дизайна Руне Петтерссон определяет “субстантивную болезнь” как “использование абстрактных и сложных существительных вместо простых глаголов и прилагательных” (Pettersson, 2008, 96). В словаре Шведской Академии находим схожее определение: “субстантивная болезнь” – это тенденция к употреблению абстрактных существительных (образованных от глагола или прилагательного) вместо конструкций с соответствующим глаголом или прилагательным” (Svensk ordbok, 2021). При этом авторы данного определения приводят следующий пример типичного предложения с “субстантивной болезнью”: “*Saken gjordes till föremål för en utredning*” (“Дело стало предметом расследования”), где существительное *utredning* является производным от глагола *utreda* (“расследовать”). Примеров использования существительных, образованных от прилагательных, данные авторы не дают, однако можно предположить, что речь идет, например, о таких абстрактных существительных как *blyghet* (“застенчивость”), *brutalitet* (“жестокость”) от прилагательных *blyg* (“застенчивый”) и *brutal* (“жестокий”) соответственно.

Таким образом, мы можем считать понятия “субстантивная болезнь” и “номинализация” взаимозаменяемыми. Далее мы будем рассматривать “субстантивную болезнь” и “номинализацию” как случаи использования отглагольных существительных и существительных, образованных от прилагательных.

Упомянем также термин “субстантивация”, которая в научной литературе часто ставится в один ряд с номинализацией. Мы будем понимать субстантивацию как одно из проявлений конверсии, при котором происходит переход слова из другой части речи в существительное без нарушения своей формы, например субстантиваты “рабочий”, “детская” и т.д. (Я. Ван, 2016, 322), в то время как при номинализации изменения затрагивают морфологическую структуру слова. Таким образом, явление субстантивации для нашего исследования не представляет первостепенного интереса.

Рассмотрим пути перехода названных частей речи в разряд существительных. Среди наиболее распространенных способов образования существительного от глагола называют присоединение суффиксов (Э. Велландер, М. Нурдман, У. Турелль). При этом самыми распространенными суффиксами являются:

- -ande (-ende): *att bo* - “жить”, *boende* - “житель”.
- -ing (-ning): *att tävla* - “соперничать, соревноваться”, *tävling* - “соревнование, состязание”.
- -(a)tion: *att demonstrera* - демонстрировать, *demonstration* - демонстрация.
- -else: *att återkalla* - отозвать, аннулировать, *återkallelse* - отзыв.

Все из перечисленных морфем являются продуктивными в шведском словообразовании.

Что касается прилагательных, мы можем встретить следующие аффиксы: -het (*nöjdhet*), -skap (*klokskap*), -ism (*friganism*), -itet (*mobilitet*). Образование существительных от прилагательных является менее распространенным явлением в шведском языке, нежели производство отглагольных существительных.

В нашем материале мы находим массу случаев борьбы с “субстантивной болезнью”. Рассмотрим в первую очередь, как в “ясных” текстах реализуется принцип отказа от конструкций с отглагольными существительными и “пустыми” глаголами:

- 1) “*Många människor kan känna oro inför en osäker omvärld*” → “*Många människor oroar sig för hur det är i världen just nu.*”

“Многие люди могут испытывать беспокойство из-за небезопасной обстановки в мире” → “Многие люди беспокоятся из-за нынешней ситуации в мире.”

- 2) “*Regionfullmäktige fattar beslut*” → “*Regionfullmäktige bestämmer*”

“Региональные органы исполнительной власти принимают решение” → “Региональные органы исполнительной власти решают”

- 3) “*Ett förbud råder för icke nödvändiga resor direkt till Sverige...*” → “*Det är förbjudet att resa direkt till Sverige...*”

“**Запрет касается** не обусловленных необходимостью прямых поездок в Швецию” → “**Запрещено** въезжать в Швецию напрямую...”

Можно сказать, что во всех примерах используются разные стратегии перевода на ясный язык. В то время, как в первом случае конструкция с отглагольным существительным *känna oro* (“испытывать беспокойство”) просто заменяется на активный глагол *oroa sig* (“беспокоиться”), во втором примере мы видим не только выбор в пользу активного глагола, но и лексическое упрощение этого глагола: не *besluta*, а *bestämma*. Несмотря на то, что семантическое значение глаголов весьма схоже (решать, принимать решение), стилистически глагол *besluta* является более формальным, в то время как *bestämma* – нейтральным, бытовым.

В третьем примере трансформации подвергается и синтаксическая структура предложения, в результате которой мы получаем безличную конструкцию с глаголом-связкой *att vara* (“быть”). Необходимо отметить, что синтаксическая структура предложения довольно часто претерпевает изменения при переводе на ясный язык, причем нередко простое предложение меняется на сложноподчиненное:

- 1) “*Med rätt förberedelser kan du klara en besvärlig situation bättre...*” → “*Om du är förberedd kan du enklare klara en svår situation.*”

“**При правильной подготовке** вы легче справитесь с затруднительной ситуацией...” → “**Если вы подготовлены,** то легче справитесь со сложной ситуацией”.

- 2) “*Regionfullmäktige... beslutar om regional utveckling...*” → “*Regionfullmäktige bestämmer om... hur Skåne ska utvecklas.*”

“Региональные органы исполнительной власти принимают решение о развитии региона” → “Региональные органы исполнительной власти решают, как будет развиваться регион Сконе”.

3) *Följ polisens ... uppmaningar*” → “*Gör som polisen... säger*”

“Следуйте **указаниям** полиции” → “**Делайте, как скажет** полиция”.

В приведенных примерах отглагольное существительное *förberedelse* заменяется причастием с глаголом-связкой *att vara* (“быть”), формируя обстоятельственное придаточное условия, *om du är förberedd* (“если вы подготовлены”). В двух последних случаях мы видим преобразование существительных в функции дополнения *utveckling* и *uppmaning* в дополнительные придаточные предложения “*hur Skåne ska utvecklas*” и “*Som polisen säger*”, причем замену отглагольного существительного на соответствующий активный глагол наблюдаем только в первом из этих примеров. Таким образом, вместе с отказом от номинализации снова имеет место лексическое упрощение: не *uppmana* (“призывать, убеждать, указывать”), а *säga* (“сказать, говорить”).

Еще один случай лексического упрощения наряду с заменой существительного на глагол видим в следующем примере:

- “*...hjälpa andra som inte har samma förutsättningar.*” → “*...hjälpa andra som kanske inte klarar sig lika bra*”.

“...помогать тем, кто не имеет тех же **(благоприятных экономических) предпосылок**” → “...помогать тем, кто не **справляется** так же хорошо”.

Вместо книжного слова *förutsättningar* (“условия, обстоятельства, предпосылки”), которое в принципе вызывает затруднения при переводе, авторы используют более разговорный вариант *klara sig* (“справляться, преуспевать”).

Далее хотим обратить внимание на еще один пример замены существительного в функции дополнения на подчинительное предложение:

4) “*Sätt dig själv i säkerhet och undvik folksamlingar*” → “*Se till att du är i säkerhet och undvik att vara där det är mycket människor.*”

“Убедитесь, что вы в безопасности, и избегайте **места большого скопления людей**” → “Убедитесь, что вы в безопасности, и избегайте **быть там, где много людей**”.

Стоит отметить, что конструкция *där det är* (букв. “там, где есть”) носит в значительной степени разговорный характер.

Интересно, что зачастую подобные грамматико-синтаксические трансформации не способствуют уменьшению длины предложения или словосочетания, а, напротив, увеличивают ее. Пример выше как раз иллюстрирует такой случай: вместо одного сложного существительного *folksamlingar* переводчик вынужден использовать 7 новых слов. Таким образом, в угоду борьбы с номинализацией мы встречаем нарушение принципа избегания длинных предложений, однако это показывает, насколько активно ведется борьба с “субстантивной болезнью”, самым заклятым врагом глагола. Кроме того, придаточные предложения, в отличие от соответствующих им номинативных конструкций, более характерны для устной разговорной речи, и должны восприниматься значительно легче. Очевидно, что основная задача подобных трансформаций всеми доступными лексико-грамматическими и синтаксическими средствами облегчить реципиенту понимание смысла высказывания.

Рассмотрим пример трансформации существительных, образованных от прилагательных, в следующем заголовке абзаца:

- “*Din krisberedskap*” → “*Hur förbereder du dig på en kris?*”

“Ваша **подготовка** к кризисной ситуации” → “Как вам **подготовить себя** к кризисной ситуации?”

Здесь примечательным является то, что сложное существительное *krisberedskap*, образованное от существительного *kris* (“кризис”) и прилагательного *beredd* (“готовый”) также заменяется на активный глагол *förbereda sig*, а не на соответствующее прилагательное *beredd*.

Взглянем на еще один любопытный пример:

- “... *finns det hot mot vår **säkerhet och självständighet***” → “...*finns det sådant*

som kan hota Sverige.”

“...существует угроза нашей **безопасности** и **независимости**” →

“...существует **то, что** может угрожать Швеции”.

Производные существительные *säkerhet* и *självständighet* заменяются на разговорный оборот *sådant som*. В то же время в приведенном выше отрывке также наблюдается отказ от отглагольного существительного *hot* в пользу соответствующего глагола *hota*. Таким образом, сложная именная конструкция “*hot mot vår säkerhet och självständighet*” преобразуется в глагольную “*sådant som kan hota*”.

Такие преобразования могут быть связаны с тем, что глагол традиционно считается более яркой и динамичной частью речи. Глагол способен сделать текст более живым, в то время как обилие существительных придает ему статичность и монотонность (R. Wells, 1960, 217). Велландер называет глагол “сердцем предложения, вокруг которого группируются другие части речи” (Wellander, 1974, 68). Употребление глагола, в отличие от существительного, упрощает восприятие информации. П. Кассирер пишет: “Чем больше в тексте глаголов, тем более разговорным является стиль” (Cassirer, 2015, 82). Тенденция к использованию глагола в ясном языке прослеживается не только в рамках отказа от номинализации. Часто конструкции с существительными, не являющимися производными от других частей речи, также подвергаются замене именно на глагол:

- “*Till Sveriges invånare*” → “*Till alla som bor i Sverige*”

“Жителям Швеции” → “Всем, кто живет в Швеции”

- “*Vid en samhällskris...*” → “... *när det är kris i samhället.*”

“В случае общественного кризиса...” → “...когда в обществе (случается) кризис”.

- “*...att få aktuell information om ditt resmål*” → “*...att få aktuell information om landet du ska resa till.*”

“...получать актуальную информацию о вашем туристическом направлении” → “...получать актуальную информацию о стране, в

которую вы едете”.

Таким образом, мы можем заключить, что тексты на ясном языке характеризуются стремлением к динамичности за счет использования в них большого количества глаголов и отказа от производных существительных и номинативных конструкций. Эта особенность делает ясный язык более близким к устной речи, нежели письменной, поскольку использование существительных более характерно для шведских письменных текстов. Для сравнения, частота употребления существительных в письменном тексте нередко варьируется от 20 до 30%, в то время как в устной спонтанной речи она составляет менее 10% (P. Lagerholm, 2008, 212). Синтаксическое упрощение выражается в тяготении к характерным для устной разговорной речи придаточным предложениям вместо номинативных грамматико-синтаксических конструкций, типичных для письменных и официально-деловых текстов.

3.2. Особенности использования активного залога и местоимения “du”

Употребление страдательного залога традиционно ассоциируется с двумя его важнейшими функциями, а именно избеганием упоминания субъекта действия в случае отсутствия такой необходимости, а также смещением акцента на объект предложения. Использование пассивной формы характерно для текстов научной, юридической, официально-деловой литературы. Такая специфика обусловлена особой ролью научно-делового взаимодействия, при котором важно, чтобы “внимание читателя было сосредоточено на особенностях процессов, явлений, механизмов, а не на деятеле, управляющем данными процессами” (С.И. Кауфман, 1960, 4). На широкое употребление страдательного залога в юридическом, научном и официально-деловом языках указывают многочисленные исследования как английских, так и шведских лингвистов (Д. Дейви, Д. Кристал, Х. Руперт, Б.А. Гарнер, М. Нурдман, П.

Кассирер, Э. Велландер и др.)

В шведском языке существуют два способа образования страдательного залога – (1) флективный (“пассив на -s”) и пассив-перифраз, образующийся с помощью вспомогательных глаголов (2) *vara* или (3) *bli* и причастия II, которое согласуется с субъектом в роде и числе.

(1) Svenska **talas** i Sverige.

На шведском говорят в Швеции.

(2) Brevet **är skrivet** med en svart penna.

Письмо написано черной ручкой.

(3) Mannen **blev tagen** av polisen.

Мужчина был задержан сотрудниками полиции.

Употребление той или иной пассивной формы зависит от многих факторов, обусловленных их семантикой, изучению закономерностей выбора пассива посвящен ряд исследований (E. Engdahl, A. Laanemets, V. L. Heertum-Embrechts). Традиционно пассив с глаголом *vara* считается пассивом состояния, в то время как *bli*-пассив обозначает переход в новое состояние или результат действия (С.С. Маслова-Лашанская, 1995, 186).

Пассив на -s, в отличие от других двух форм, является наиболее характерным для письменного языка. Это подтверждают результаты исследования, проведенного А. Лаанеметс. На материале датских, норвежских и шведских газетных статей исследователем был проведен количественный анализ употребления разных форм пассивного залога. Морфологический пассив оказался наиболее распространенным во всех трех скандинавских языках, причем в шведском его употребление составило 98,7% случаев, в то время как в датском 64,1%, а в норвежском – всего 62,5%. Исследователь также обращает внимание на то, что в целом в устной речи трех скандинавских языков употребление пассива составляет лишь 1% от всех финитных глаголов, при этом в письменной – 10%. Наконец, в то время как в устной речи в датском и норвежском языках наиболее распространен пассив-перифраз, в шведском эта роль остается за флективным пассивом (Laanemets, 2009, 157).

При переводе текста на ясный язык необходимо как можно более четко обозначить субъект действия и само действие, поэтому любая пассивная форма будет представлять сложность для реципиента. В текстах, адаптированных на ясный язык, действительно наблюдаем примеры замены страдательного залога на активный:

1) “*Vi kan också påverkas av konflikter i närområdet*” → “*Konflikter i länder nära Sverige kan också påverka oss*”.

“Мы также можем **быть под влиянием** конфликтов (происходящих) поблизости” → “Конфликты в странах рядом с Швецией также могут **влиять** на нас”.

2) “*Om Sverige blir angripet av ett annat land kommer vi aldrig att ge upp*” → “*Om ett annat land angriper Sverige så ger vi inte upp*”.

“Если Швеция **подвергнется нападению** другой страной, мы никогда не сдадимся” → “Если другая страна **нападет на** Швецию, мы не сдадимся”.

3) “*Använd... mat som kan tillagas snabbt... eller som kan ätas utan tillagning*” → “*Använd mat... som du snabbt kan laga... eller som du kan äta utan att laga*”.

“Используйте... продукты, которые **могут быть** быстро **приготовлены**... или **могут быть съедены** без приготовления” → “Используйте еду, которую **вы можете** быстро **приготовить**... или которую **вы можете съесть** не готовя”.

В 1 и 2 примерах субъект и объект в рамках отказа от пассивной формы меняются местами. Сказуемое следует сразу за подлежащим. В 3 предложении в роли субъекта выступает местоимение “du”, которое рекомендуется использовать с целью борьбы с обезличиванием. В представленных примерах в силу отказа от пассива и использования прямого порядка слов совершенно ясно, какое действие кем совершается, что, несомненно, облегчает восприятие текста.

Наряду с прямой заменой пассивного глагола на активный часто имеет место и лексическое упрощение этого глагола, например:

1) “*Regionfullmäktige styr genom ange ... riktlinjer för hur deras olika*

verksamheter ska genomföras” → “”*Regionfullmäktige... planerar hur olika verksamheter ska fungera.*

“Региональные органы исполнительной власти управляют посредством того, что издают ... директивы о том, как **должны осуществляться** различные виды их деятельности” → “Региональные органы исполнительной власти... планируют то, как **должны работать** различные виды их деятельности”.

2) “*Inreserestriktionerna kommer alltid tillämpas utifrån det senaste landet*” → “*De här reglerna gäller alltid det senaste landet*”

“Ограничения на въезд всегда **будут применяться** в зависимости от последней страны (пребывания)” → “Эти правила всегда **касаются** последней страны (пребывания)”

3) “*...vid höjd beredskap kan även andra lagar användas.* → “*Vid höjd beredskap... även andra lagar kan gälla*”.

“... при режиме повышенной готовности также **могут применяться** иные законы” → “При режиме повышенной готовности... также **могут действовать/работать** иные законы”.

Как видно из примеров 1 и 2, книжные глаголы в страдательном залоге *genomföras* (“проводиться, осуществляться”), *tillämpas* (“применяться”) уступают место более нейтральным вариантам *fungera* (“работать, действовать”) и *gälla* (здесь “работать, действовать”). Глагол *gälla* также возникает в третьей трансформации как средство отказа от страдательной формы глагола *användas* (“использоваться”, “применяться”). Нужно заметить, что данные случаи, в отличие от первого блока примеров, не приводят к синтаксической трансформации, сохраняя субъект и объект на прежних позициях.

Стремление к использованию глагола в активном залоге без изменения синтаксиса в паре случаев приводит к использованию отглагольных существительных. Возьмем следующий заголовок:

- “*Utländska medborgare som undantas från inreseförbudet*” → “*Personer som inte är svenska medborgare och har undantag från förbudet*”

“Иностранные граждане, которые **освобождаются** от запрета на въезд” →

“Люди, которые не являются гражданами Швеции и **не подпадают под** (букв. **получают исключение на**) запрет (на въезд)”.

Отглагольное существительное *undantag* (“исключение, освобождение от ответственности”) в составе составного сказуемого *att ha undantag* в данном случае выступает в качестве способа борьбы с обезличивающим текст страдательным глаголом. Еще один похожий пример будет описан ниже.

Рассмотрим случаи более сложных трансформаций, значительно повлиявших на синтаксическую структуру фраз:

- 1) “*Den här broschyren skickas till alla hushåll i Sverige på uppdrag av regeringen*” → “*Regeringen har bestämt att alla i Sverige ska få den här informationen.*”

“Эта брошюра **высылается** каждой семье в Швеции **по заказу правительства**” → “**Правительство решило**, что все (живущие) в Швеции должны получить эту информацию.”

- 2) “*Om Sverige angrips krävs motståndskraft*” → “*Sverige måste kunna klara angrepp*”

“Если Швеция подвергнется нападению, будет **необходимо** (будет **требоваться**) **сопротивление**” → “**Швеция должна суметь справиться с нападением**”

В примере 1 наблюдаем два преобразования: пассивная форма глагола-сказуемого *skickas* в сочетании с подлежащим *den här broschyren* заменяется на глагол *få* (“получать”). При этом появляется новое подлежащее – *alla i Sverige*, а *den här broschyren* при переходе в дополнение упрощается лексически, трансформируясь в *den här informationen*. Номинативная конструкция *på uppdrag av regeringen* уступает место главному предложению в составе подчиненного с подлежащим *Regeringen* и сказуемым *har bestämt*. Таким образом, с точки зрения синтаксиса вновь простое предложение

переводится в сложноподчиненное.

Противоположная картина имеет место в примере 2: переводчик, отказываясь от двух пассивных форм – глаголов в личной форме *angrips* (“подвергаться нападению”) и *krävs* (“требуется”), трансформирует сложноподчиненное предложение в простое с прямым порядком слов и бытовым глаголом *klara* (“справляться, преуспевать”). При этом глагол *angrips* в “ясном” варианте текста встречается нам уже в форме отглагольного существительного *angrepp*.

Оба примера в полной мере отвечают принципу, согласно которому сказуемое должно незамедлительно следовать за подлежащим. Обе конечные формулировки способствуют тому, что в предложениях четко прослеживаются субъект и непосредственно действие, а потому будут облегчать восприятие текста, несмотря на появление отглагольного существительного *angrepp*.

Известны и случаи простого изъятия пассивной формы как излишнего компонента в предложении:

- 1) “*Totalförsvaret är all verksamhet som behövs för att förbereda Sverige för krig*”
→ “*Totalförsvaret förbereder Sverige om det blir krig*”.

“Общая оборона – это все действия, **необходимые, чтобы подготовить Швецию к войне**” → “Общая оборона **подготавливает Швецию на случай войны**”.

- 2) “... *alla som bor här och är mellan 16 och 70 år kan kallas in för att hjälpa till på olika sätt vid krigsfara och krig*” → ... *alla som bor i landet och är mellan 16 och 70 år ska hjälpa till om det är krig eller fara för krig*.

“...все жители в возрасте от 16 до 70 лет **могут быть призваны для помощи** в случае войны или ее угрозы” → “...все жители страны от 16 до 70 лет **будут помогать** в случае войны или ее угрозы”.

Таким образом, мы можем отметить, что при переводе текста на шведский ясный язык действительно предпринимаются попытки использования активного залога вместо страдательного. Однако чрезвычайно важно упомянуть, что при дальнейшем анализе выявился ряд случаев *сохранения пассивной формы* или

даже ее *добавления* в конечный текст.

Рассмотрим такие случаи более подробно:

- 1) “...*vi har alla en uppgift om Sverige hotas*” (“У всех нас будет какая-то задача, если Швеции **будут угрожать**”)
- 2) “*Alla har en skyldighet att bidra och alla behövs*” → “*Alla måste hjälpa till och alla behövs*”
“У всех есть обязанность вносить вклад, и все **пригодятся**” → “Все должны помогать, и все **пригодятся**”.
- 3) “*Ett terrorattentat kan riktas mot...*” (“Террористический акт **может быть направлен** против...”)
- 4) “*Så styrs Region Skåne*” (“Так **управляют** регионом Сконе”).

Выше приведены примеры из конечных “ясных” текстов, которые никак не подверглись изменениям (кроме примера 2, в котором произведено две лексических замены).

В некоторых примерах с сохранением глагола в страдательном залоге видим лексическое упрощение:

- 1) “...*terrorattentat kan utföras på olika sätt*” → “*Ett terrorattentat kan göras på olika sätt*”
“...Террористический акт может **быть осуществлен** разными способами”
→ “Террористический акт может **делаться** разными способами”.
- 2) “*Lokala restriktioner och regler... kan snabbt förändras*” → “...*reglerna kan snabbt ändras.*”
“Местные ограничения и правила... могут быстро **изменяться**” → “... правила могут быстро **меняться**”.
- 3) “*Därför ska planeringen för Sveriges civila försvar återupptas*” → “*Regeringen vill också att det civila försvaret ska utvecklas*”.
“Поэтому планирование гражданской обороны Швеции должно **быть возобновлено**” → “Правительство также хочет, чтобы гражданская оборона **развивалась**”.

Случаи сохранения пассивной формы весьма разносторонние. В то время как в некоторых примерах действительно сложно представить себе удачный вариант замены страдательного залога на активный (“*terrorattentat kan utföras på olika sätt*”), другие, на наш взгляд, вполне могли быть подвергнуты грамматической трансформации (например, “*Regeringen vill utveckla det civila försvaret*”, т.е. “Правительство **хочет развивать** гражданскую оборону” или “*om något hotar Sverige*”, т.е. “если что-то **угрожает** Швеции”).

Наряду с сохранением пассивной формы встречаются попытки всё же избежать обезличивания, например, заменой подлежащего на местоимение “du”:

- “*Totalförsvarspliktiga kan bli krigsplacerade* → *Totalförsvarsplikten betyder också att du kan bli krigsplacerad.*”

“Призывники могут **быть отправлены на фронт**” → “Полный призыв также означает, что **вы** можете **быть отправлены на фронт**”.

Мы упомянули также случаи добавления пассивных форм в “ясный” текст. Часто к такому средству прибегают при борьбе с другими явлениями, усложняющими его:

- 1) “*Myndigheten för samhällsskydd och beredskap (MSB) ansvarar för innehållet*”. → “*Myndigheten för samhällsskydd och beredskap, som förkortas MSB, har skrivit informationen*”.

“Агентство по защите населения в чрезвычайных ситуациях отвечает за содержание (брошюры)” → “Агентство по защите населения в чрезвычайных ситуациях, которое **сокращается** как MSB, написало данную информацию”.

- 2) “*I form av medborgardialog och brukarsamverkan ger vi även medborgare möjlighet att... kommentera och diskutera viktiga frågor.* → “*Då får man prata... om viktiga frågor. Det kallas för medborgardialog och brukarsamverkan*”.

“В форме диалога с гражданами и взаимодействия с пользователями мы также даем гражданам возможность... комментировать и обсуждать

важные вопросы”. → “Тогда можно разговаривать... о важных вопросах. Это **называется диалогом с гражданами и взаимодействием с пользователями**”.

- 3) “*Redan i dag sker attacker mot viktiga it-system.... → Redan nu **angrips viktiga it-system...***”.

“Уже сегодня **происходят атаки** на важные информационные системы” → “Уже сегодня **захватываются** важные информационные системы”.

- 4) “*Regionfullmäktige... beslutar om alltifrån sjukvård och kollektivtrafik till frågor om **regional utveckling och kultur***” → “*Regionfullmäktige bestämmer om sjukvård, kollektivtrafik och kultur och **hur Skåne ska utvecklas***”.

“Региональные органы исполнительной власти... принимают решение по всем вопросам, от здравоохранения и общественного транспорта до **регионального развития и культуры**” → “Региональные органы исполнительной власти принимают решение по вопросам здравоохранения, общественного транспорта, культуры и того, **как будет развиваться регион Сконне**”.

Как видно из примеров 1 и 2, пассивные глаголы *förkortas* (“сокращается”) и *kallas för* (“называется”) применены с целью доходчивого толкования осложняющих текст понятий, к которым относится аббревиатура *MSB* и названия *medborgardialog* и *brukarsamverkan*. В примере 3 глагол в страдательном залоге *angrips* возник, очевидно, в рамках отказа от заимствованного слова *attack*, то есть тоже явился своеобразным средством лексического упрощения. В примере 4 пассивная форма глагола *utveckla* (“развивать”) появляется в составе подчинительного дополнительного предложения “*hur Skåne ska utvecklas*” вместо конструкции с отглагольным существительным *regional utveckling* в функции дополнения, уже знакомой нам стратегии отказа от номинализации.

Использование глаголов в страдательном залоге при борьбе с субстантивной болезнью, а также лексическом упрощении встречаем и в следующих примерах:

1) “*Det blir svårt att få tag i...**medicinsk utrustning***” → “*Det blir svårt att få tag på... **sprutor och annat som behövs i vården***”

“Становится тяжело достать... **медицинское оборудование**” → “Становится тяжело достать... **шприцы и другое, что необходимо (требуется) для медицинской помощи.**”

2) “*VMA används vid krissituationer – till exempel vid **utsläpp av farliga ämnen...***” → “*VMA används om farliga ämnen **släpps ut***”.

“Система оповещения населения используется в чрезвычайных ситуациях – например, **при выбросе опасных веществ**” → “Система оповещения населения используется, если опасные вещества (досл.) **выбрасываются**”.

Таким образом, вопреки рекомендации, согласно которой необходимо стремиться использовать глаголы в активном залоге, шведские ясные тексты характеризуются случаями сохранения или даже прибавления пассивных форм. Важно отметить, что из проанализированных нами текстов таких прецедентов значительно больше, нежели примеров отказа от страдательного залога: в 68,57% случаев переводчики оставляли или же добавляли глаголы в страдательном залоге, в то время как отказывались или полностью убирали лишь в 31,43%.

Подводя итог, мы можем сделать несколько важных выводов:

- 1) Несмотря на очевидные попытки выбора в пользу активного залога при переводе текста на ясный язык, страдательный залог, в частности, пассив на -s остается *полноправным и употребительным компонентом шведской письменной речи*, его использование весьма удобно и не составляет исключения для ясного языка.
- 2) Использование глаголов в страдательном залоге является *нормативным способом упрощения текста* в рамках борьбы с субстантивной болезнью, его синтаксического упрощения, а также борьбы со сложными лексическими единицами в тексте.
- 3) Попытки отказа от использования глаголов в страдательном залоге имеют

место в ясных текстах с целью предотвращения их *обезличивания* и в случаях ярко выраженной *необходимости*, а также *возможности* сделать четкую ссылку на субъект действия и само это действие. Иногда для отказа от обезличивания также может применяться личное местоимение *du*.

3.3. Особенности синтаксиса шведских ясных текстов

С некоторыми синтаксическими особенностями ясного языка нам довелось столкнуться в параграфе о борьбе с субстантивной болезнью, в частности с заменой конструкций с существительными на придаточные предложения. Однако для начала обратимся к теоретическим положениям, которые исследователи шведского языка дают относительно синтаксиса, предпочтительного в ясном языке.

С одной стороны, из исследования К. Бьёрнссона известно, что одним из главных факторов, нарушающих удобочитаемость текста, являются длинные предложения (Vjörnsson, 1968, 56). От использования длинных предложений при адаптации текста на ясный язык призывает отказываться и М. Сундин, поскольку они дают лишнюю нагрузку на память читателя, что отрицательно сказывается на понимании текста (Sundin, 2007, 33). Исследователей легко понять, ведь наличие неестественно длинных предложений с высокой информационной нагрузкой принято считать одной из черт официально-делового стиля, которые делают текст порой крайне сложным для обывателя (Н. Landqvist, 2000, 205). Однако не все шведские лингвисты согласны с мыслью, что длинные предложения представляют собой проблему для читателя. Лингвист Пер Лагерхольм пишет, что между длиной предложения и степенью его сложности нет однозначной связи (Lagerholm, 2008, 303). Наличие коротких предложений, согласно Лагерхольму, не всегда указывает на простоту текста. С тем, что обилие коротких предложений не делает текст легче, соглашаются и И. Лундберг с М. Рейхенберг, которые считают, что для

облегчения текста синтаксически необходимо соблюдение ритма, который выражается в чередовании коротких и длинных предложений (Lundberg, Reichenberg, 2009, 43).

Как показал анализ теоретической литературы, большинство исследователей склонны считать придаточные предложения характерной чертой сложных текстов, например, официально-делового стиля. Так, Ханс Ландквист пишет, что большое количество сложных предложений, особенно с подчинительной связью, способствуют увеличению грамматической сложности текста (Landqvist, 2000, 205). Лагерхольм утверждает, что подчинительные предложения в большей степени встречаются в официально-деловом, а также письменном языке, что связано с более сложным формированием мысли по сравнению со спонтанной и более социально-ориентированной речью (Lagerholm, 1961, 304). Б. Виман считает, что придаточные предложения, несомненно, имеют место в ясном языке, однако их количество не должно быть велико (Wiman, 1995, 8). Он также полагает, что некоторые типы придаточных являются более сложными для восприятия, в отличие от других. К сложным, например, исследователь в первую очередь относит обстоятельственные придаточные условия, так как они выражают гипотетическую мысль. Самыми простыми ученый считает придаточные предложения, которые вводятся союзом *att* (например, *Hon vet att vi vill hjälpa henne*, “Она знает, что мы хотим ей помочь”), поскольку они широко распространены в разговорной речи.

С одной стороны, мысль о том, что длинные предложения мешают легкому восприятию текста, не противоречит мнению, что придаточные предложения делают текст более сложным, поскольку часто использование придаточных, особенно их цепочек, увеличивает объем предложения. Отсюда логично было бы предположить, что употребление сложных предложений с подчинительной связью в ясном языке не приветствуется. Однако в параграфе 3.1 мы наблюдали множество случаев замены конструкций с существительными на придаточные предложения, при этом в некоторых из них объем предложения значительно увеличивался. В данном параграфе с помощью

практического анализа отобранного нами материала мы постараемся выявить факторы, влияющие на изменение длины предложений при их адаптации, а также обратим внимание на придаточные предложения и их типы.

Из рекомендаций Марии Сундин мы также знаем, что для упрощения структуры предложения необходимо использовать прямой порядок слов, в котором сказуемое следует незамедлительно после подлежащего. Некоторые примеры выбора в пользу прямого порядка слов мы также наблюдали при трансформации страдательного залога в активный.

Итак, при анализе перевода исходных текстов на ясный язык мы действительно наблюдаем случаи деления чересчур длинных предложений на более короткие:

№	Оригинальный текст		Адаптированный текст	
1.	(1) "Terrorattentat kan riktas mot enskilda personer eller grupper, mot allmänheten eller mot samhällsviktiga funktioner som elförsörjning eller transportsystem".	(1) "Террористический акт может быть направлен на отдельные лица или группы людей, на общество или на работу общественно важных функций, таких как электроснабжение или транспортные системы".	(1) "Ett terrorattentat kan riktas mot privatpersoner, mot vissa grupper eller mot alla människor. (2) Terrorattentat kan också riktas mot viktiga delar av samhället, till exempel mot elsystemet eller transportsystemet".	(1) "Террористический акт может быть направлен на частные лица, на определенные группы людей или на все общество. (2) Террористический акт также может быть направлен на работу важных для общества элементов, например, на системы электроснабжения или транспорта".
2.	(1) "Du behöver också kunna följa mediernas rapportering, ha kontakt med anhöriga och vänner och i	(1) "Вам также необходимо иметь возможность следить за сообщениями СМИ, поддерживать связь с друзьями и	(1) "Du behöver också kunna följa information på internet, i tidningar och på teve. (2) Du behöver kunna ha kontakt med familj	(1) "Вам также необходимо иметь возможность следить за информацией в интернете, газетах и по телевизору. (2)

	<i>akuta fall kunna nå räddningstjänst, sjukvård eller polis.”</i>	родственниками и в экстренных случаях иметь возможность обратиться в спасательные службы, за медицинской помощью или в полицию”.	<i>och vänner. (3) Om något akut händer behöver du kunna kontakta polis, räddningstjänst eller sjukvård”</i>	Вам необходимо поддерживать связь с семьей и друзьями. (3) <u>Если случается что-то экстренное</u> , вам необходимо иметь возможность обратиться в спасательные службы, за медицинской помощью или в полицию”.
3.	<i>(1) “Regionfullmäktige utser även Region Skånes revisorer som självständigt och politiskt oberoende granskar all verksamhet i Region Skåne i syfte att kontrollera att regionfullmäktigens beslut genomförs på ett effektivt och bra sätt.”</i>	(1) “Региональные органы исполнительной власти также назначают ревизоров, которые самостоятельно и политически независимо проверяют и оценивают всю деятельность в регионе Сконе, чтобы убедиться, что решения органов исполнительной власти региона выполняются эффективно и надлежащим образом”.	<i>(1) “Regionfullmäktige bestämmer även vilka personer som ska granska Region Skånes verksamhet. (2) Dessa personer kallas revisorer. (3) Region Skånes revisorer granskar allt det som Region Skåne gör. (4) Revisorerna är inte politiker. (5) De ska kontrollera att det som bestäms i regionfullmäktige genomförs på ett bra sätt.”</i>	(1) “Региональные органы исполнительной власти также решают, кто будет проверять и оценивать деятельность в регионе Сконе. (2) Такие люди называются ревизорами. (3) Ревизоры Сконе проверяют и оценивают всё, что делает регион. (4) Ревизоры не являются политическими деятелями. (5) Они контролируют, чтобы всё, что решается органами исполнительной власти региона, выполнялось надлежащим образом

Как видно из таблицы, в примере 1 исходное простое предложение разбито на два более коротких, очевидно, с целью избежания цепочки однородных дополнений. Похожей стратегии придерживаются и во втором примере. Здесь переводчик, с одной стороны, вновь избегает цепочки дополнений, облегчая нагрузку на память читателя, а, с другой, борется с именной конструкцией *i akuta fall* (“в экстренных случаях”), заменяя ее на условное придаточное предложение. В примере 3 мы видим сложное предложение с тремя придаточными, которое сильно нагружено различной информацией. В “ясном” тексте оно разбивается на 5 более коротких предложений разных типов. Это, очевидно, делается с целью разъяснения сложного понятия (“ревизор” / “аудитор”) и описания некоторых его особенностей (“ревизоры не являются политическими деятелями”), а также для более порционного представления информации. В примере также наблюдаются логические повторы одной и той же мысли (“ревизоры контролируют деятельность в регионе”), однако в целом конечный “раздробленный” вариант воспринимается легче по сравнению с исходным, стремящимся в одном предложении выразить несколько самостоятельных мыслей (“Кого назначают органы исполнительной власти Сконе? Кто такие ревизоры, в чем их особенность? Чем они занимаются? С какой целью их назначают?”). Кроме того, в 3 примере мы можем наблюдать чередование более длинных сложных предложений с простыми короткими, что действительно задает ритм, помогающий эффективнее доставить информацию до читателя.

Чтобы удостовериться, что именно вышеописанные случаи толкают переводчика дробить длинные предложения, рассмотрим еще пару примеров:

- *“I form av medborgardialog och brukarsamverkan ger vi även medborgare möjlighet att via fokusgrupper, webbenkäter eller direktkontakt kommentera och diskutera viktiga frågor.”*

“В форме диалога с гражданами и взаимодействия с пользователями мы также даем жителям возможность с помощью фокусных групп, Интернет-опросов или прямых обращений комментировать и обсуждать

важные вопросы”.

В данном предложении прослеживаются по крайней мере 3 мысли:

- 1) У граждан региона Сконе есть возможность выразить свое мнение в вопросах развития региона;
- 2) Обычно это происходит в форме так называемых диалога с гражданами и взаимодействия с пользователями;
- 3) Диалог с гражданами и взаимодействие с пользователями включают в себя взаимодействие со специальными фокус-группами, участие в онлайн-опросах и прямые обращения граждан.

Теперь взглянем на то, как это предложение было адаптировано на ясный язык:

- *(1) “Ibland ordnar vi dialoger där man får säga vad man tycker. (2) Då får man prata eller svara på webbenkäter om viktiga frågor. (3) Det kallas för medborgardialog och brukarsamverkan.”*

(1) “Иногда мы организуем диалоги, в которых все могут говорить, что думают. **(2)** На них можно высказываться, или можно участвовать в онлайн-опросах по важным темам. **(3)** Это называется “диалогом с гражданами” и “взаимодействием с пользователями”.

Предложение раздроблено на три части, каждая из которых выражает отдельную мысль: (1) существуют открытые диалоги, в которых можно высказывать свое мнение; (2) также это можно сделать посредством участия в онлайн-опросах; (3) название этого процесса – “диалог с гражданами” и “взаимодействие с пользователями”.

Из конечного текста авторы решили убрать сведения о специальных фокус-группах, что можно подвергнуть критике, ведь мысль, выраженная в оригинальном предложении, раскрыта не полностью. Но так или иначе, в примере выше мы снова наблюдаем принцип разделения большого информационного сообщения на несколько более мелких единиц.

Взглянем на еще один пример:

- *“Vid flyglarm ska du omedelbart bege dig till ett skyddsrum eller i nödfall till*

annat skyddande utrymme som källare, tunnel eller tunnelbanestation.”

“В случае воздушной тревоги вы должны немедленно проследовать в убежище или, в крайнем случае, в другое защищенное пространство, например, подвал, подземный тоннель или метро.”

Это предложение можно разделить минимум на две смысловые части:

- 1) В случае воздушной тревоги нужно скрыться в убежище;
- 2) В крайнем случае можно скрыться в подвале, тоннеле или метро.

То же самое высказывание представлено в “ясной” версии брошюры следующим образом:

- *(1) “Om du hör flyglarm ska du genast ta dig till ett skyddsrum. (2) Om du inte kan eller om det inte finns skyddsrum ska du ta dig till en källare, tunnel eller tunnelbanestation”.*

“(1) Если вы услышите сигнал воздушной тревоги, вы должны немедленно проследовать в убежище. (2) Если вы не можете этого сделать, или поблизости нет убежища, вы должны проследовать в подвал, тоннель или метро”.

Предложение раздроблено на две части, т.е. снова информация преподносится более порционно. Кроме того, в данном примере мы вновь видим трансформацию двух конструкций с существительными *vid flyglarm* и *i nödfall* в условные придаточные предложения.

Таким образом, приведенные трансформации в целом не противоречат мысли о том, что длинные предложения мешают легкому восприятию текста. Однако, исходя из проанализированных примеров, мы считаем необходимым уточнить, что трудность для читателя представляет не столько длина предложений, сколько их информационная нагрузка, а также наличие в них цепочек однородных членов. Всё это может быть связано с особенностями кратковременной памяти реципиентов.

Вторым шагом рассмотрим подробнее случаи употребления придаточных предложений в ясных текстах, а также их типы. Как уже можно было заметить из вышеописанного, при трансформации определенных явлений в ясном языке

часто появляются обстоятельственные придаточные условия. Еще больше таких трансформаций мы можем наблюдать в следующих примерах:

- 1) “*Du behövs och **din insats** gör skillnad!*” → “*Du behövs och **det** gör skillnad om du hjälper till!*”

“Вы нужны, и **ваш вклад** способен изменить мир к лучшему!” → “Вы нужны, и, **если вы помогаете**, это способно изменить мир к лучшему!”

- 2) “*...lyssna på Sveriges Radio P4 som har i uppdrag att ge **samhällsinformation***” → “*Lyssna på Sveriges Radio P4 som sänder information om något allvarligt händer*”.

“Слушайте Радио Швеции, канал Р4, задача которого – транслировать **важную общественную информацию**” → “Слушайте Радио Швеции, канал Р4, который транслирует информацию, **если случается что-то серьезное**”.

В большинстве случаев такая стратегия применяется при избегании употребления отглагольных существительных, как со словом *insats* в примере 1, или же при отказе от употребления сложных слов, композитов (здесь – композит *samhällsinformation*). Если обратимся к другим типам придаточных, то увидим схожую тенденцию:

- 1) “*Om elen försvinner **under en kall årstid***” → “*Om elen försvinner **när det är kallt***” (темпоральное)

“Если электричество перестанет работать **в холодное время года**” → “Если электричество перестанет работать, **когда будет холодно**”.

- 2) “*Händelser i omvärlden kan ge **brist på vissa livsmedel***” → “*Krig eller kriser i andra länder kan göra att **mat och andra varor inte kommer till Sverige***” (дополнительное).

“События во внешнем мире могут привести к **нехватке определенных продуктов питания**” → “Войны или кризисы в других странах могут привести к тому, **что продукты питания и другие товары не будут поступать в Швецию**”.

- 3) “*Dela inte **obekräftad information** på nätet*” → “*Sprid inte information från*

internet som du inte vet att du kan lita på”. (определяющее)

“Не распространяйте **неподтвержденную** информацию в Интернете” →
 “Не распространяйте информацию, **в достоверности которой вы не уверены**”.

4) “*Regionfullmäktige utser regionstyrelsen*” → “*Regionfullmäktige bestämmer vilka som ska vara med i regionstyrelsen*” (относительное).

“Региональные органы исполнительной власти избирают **региональный совет**” → “Региональные органы исполнительной власти определяют тех, **кто будет входить в региональный совет**”.

Приведенные трансформации вновь отсылают нас к мысли о стремлении ясных текстов к динамичности и конкретности за счет употребления глаголов вместо существительных и конструкций с ними. Несмотря на то, что употребление придаточных, в отличие от конструкций с существительными и композитами, в большинстве случаев увеличивает длину предложения, их использование, вероятно, облегчает восприятие текста, ведь описываемые события становятся более конкретными и менее обезличенными за счет появления в тексте дополнительных субъекта и глагола. Что касается характера придаточных предложений, в проанализированных нами трансформациях имеют место разные типы: от легких, по мнению Б. Вимана, придаточных с союзом *att* (чаще всего придаточные дополнения) до сложных придаточных условия. Необходимо отметить, что придаточные условия имеют особый статус в ясном языке. Именно к ним прибегает переводчик, например, при адаптации других придаточных, которые считает более сложными:

1) “*Ju bättre förberedd du är desto större möjlighet har du också att hjälpa andra...*” → “*Om du är förberedd kan du hjälpa andra...*”

“**Чем лучше** вы подготовлены, **тем больше** у вас шансов помочь другим...” → “**Если вы подготовлены**, вы можете помочь другим...”

2) “*Flyglarm betyder att du omedelbart ska uppsöka skydd*” → “*Om du hör signalen flyglarm ska du genast hitta skydd*”

“Воздушная тревога означает, **что вы незамедлительно должны**

проследовать в убежище” → “Если вы слышите сигнал воздушной тревоги, вы срочно должны найти убежище”.

В примере 1 мы наблюдаем замену сравнительного придаточного предложения на условное. Пример 2 демонстрирует отказ от сложного предложения с предикативным придаточным в пользу сложноподчиненного предложения с придаточным условия, т.к. в нем возможно более четко описать порядок действий в случае возникновения воздушной тревоги.

Существует разновидность условных придаточных предложений в шведском языке – бессоюзные придаточные условия. Они имеют инверсивную структуру: на первую позицию в предложении выходит глагол, например: “*Har jag en möjlighet, kommer jag*” (“Если у меня будет возможность, я приду”) вместо “*Om jag har tid, kommer jag*”. Бессоюзные придаточные при переводе на ясный язык трансформируются в простые условные, что вновь отвечает принципу использования прямого порядка слов:

1) “*Blir nätet överbelastat kan det bli svårt för livsviktiga samtal att komma fram*”. → “*Om för många personer ringer kan livsviktiga samtal få svårt att komma fram*”.

“Если сеть перегружается (досл. “Сеть становится перегруженной”), может стать трудно совершать жизненно важные звонки” → “Если звонит слишком много людей, может стать трудно совершать жизненно важные звонки”.

2) “*Är du krigsplacerad har du fått en krigsplaceringsorder...*” → “*Om du är krigsplacerad får du en krigsplaceringsorder...*”

“Если вас призовут (досл. “Призвали вас”), вы получите боевую повестку...” → “Если вас призовут, вы получите боевую повестку...”

Существуют и примеры отказа от употребления придаточных в ясном языке, что обусловлено излишеством информации, представленной в них. Например, в наших текстах видим случаи удаления обстоятельственных придаточных уступок и цели:

- 1) “*Med rätt förberedelser kan du klara en besvärlig situation bättre, oavsett vad som orsakat den*” → “*Om du är förberedd kan du enklare klara en svår situation*”.

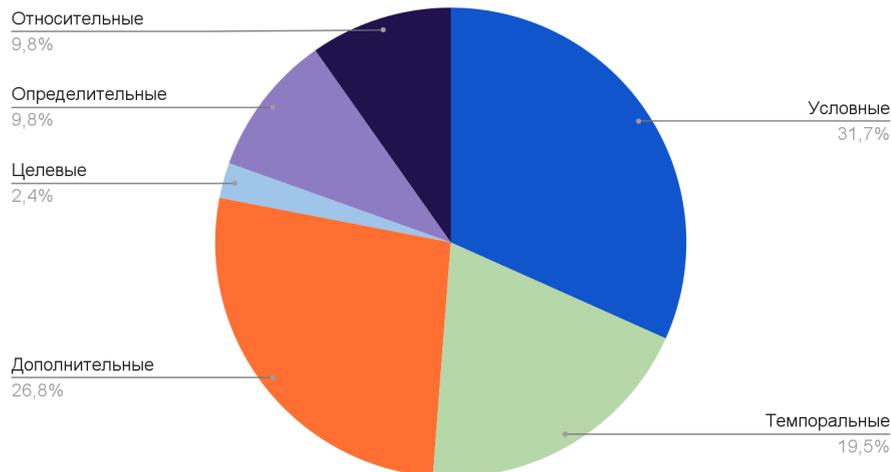
“При правильной подготовке вы лучше справитесь с затруднительной ситуацией, **независимо от того, что ее вызвало**” → “Если вы подготовлены, вы можете лучше справиться со сложной ситуацией”.

- 2) “*Regionfullmäktige tar också beslut om budgeten och hur mycket skatt du... ska betala för att vara med och finansiera de olika verksamheterna*” → “*Regionfullmäktige tar också beslut om pengar och hur mycket skatt du ska betala*”.

“Региональные органы исполнительной власти принимают решение о бюджете и о том, сколько налогов вы будете платить, **чтобы вносить свой вклад в финансирование различных мероприятий**” → “Региональные органы исполнительной власти принимают решение о деньгах и о том, сколько налогов вы будете платить”.

Наконец, чтобы определить, каким типам придаточных отдают предпочтение при адаптации текста на ясный язык, мы прибегли к количественным методам. Из проанализированных нами трансформаций наименее часто переводчик прибегал к употреблению *обстоятельственных придаточных цели* (2,4%), *относительных и определительных придаточных* (9,8%). Промежуточное положение занимают *обстоятельственные придаточные времени* (19,5%). Наиболее часто встречаются *дополнительные придаточные* (26,8%), а самым популярным выбором являются *обстоятельственные придаточные условия* (31,7%):

Употребление придаточных предложений в ясном языке

Таким образом, несмотря на то, что придаточные условия считаются сложными для реципиентов ясных текстов, в нашем материале они являются самым распространенным типом. Данная тенденция может быть обусловлена инструктивным характером отобранных нами текстов, где на различные случаи читателю даются конкретные указания.

В целом, мы можем заключить, что употребление сложноподчиненных предложений с указанными типами придаточных не должно представлять трудностей для читателей ясного языка, а, наоборот, предполагает их снятие в рамках отказа от сложных для понимания именных конструкций. Употребление придаточных предложений вместо конструкций с существительными позволяет наиболее очевидным образом описать необходимое событие, четко обозначить в нем субъект и предикат. При этом выбор делается в пользу понятности, а не длины предложения. Чересчур длинные предложения могут быть разбиты на несколько более коротких, однако причиной таких трансформаций скорее является их большая информационная нагрузка, осложняющую работу памяти и других психических и когнитивных функций, нежели их длина.

Выводы по Главе 3

1. При переводе текста на ясный язык избегаются случаи номинализации, которая считается характерной чертой официально-делового стиля. Под

номинализацией или “субстантивной болезнью” в нашей работе понимается чрезмерное использование отглагольных существительных и существительных, образованных от прилагательных. Выражения с существительными и прилагательными чаще всего заменяются различными конструкциями с глаголами, придаточными предложениями. Глагол делает текст более динамичным, а также сближает текст с устной речью.

2. Несмотря на рекомендацию избегать употребление страдательного залога, пассивные формы, в частности морфологический пассив на -s, остаются распространенным, употребительным компонентом шведской письменной речи, не является исключением и ясный язык. Глаголы в пассиве могут употребляться в рамках борьбы с субстантивной болезнью, синтаксического упрощения текста. Тем не менее, попытки отказа от страдательного залога имеют место в шведском ясном языке с целью отказа от обезличивания и борьбы с другими усложняющими текст явлениями. С этой же целью иногда используются конструкции с личным местоимением *du*.
3. Трудность для читателя представляет не столько длина предложений, сколько их информационная нагрузка, а также наличие в них цепочек однородных членов. Поэтому выбор переводчика делается в пользу понятности, а не длины. Обилие придаточных предложений, увеличивающих длину текста, подтверждает эту мысль. Прослеживается стратегия замены конструкций с существительными на придаточные предложения, что вновь приближает ясный текст к устной разговорной речи.

4. Лексические особенности шведского ясного языка

4.1. Лексические трансформации на уровне семантики

К семантическому уровню лексических особенностей ясного языка мы можем отнести следующие принципы, выделенные М. Сундин:

- “Используйте конкретные слова и выражения”, согласно которому необходимо избегать абстрактных и обобщающих лексических единиц
- “Пишите простыми словами”, т.е. использование простой, часто употребляемой лексики, а также отказ от сложных понятий и терминов или же обязательное их пояснение.

С точки зрения переводческих трансформаций, под первой рекомендацией Сундин имеет в виду прием конкретизации. Во втором случае автор подразумевает лексико-семантическую замену, основанную на частотности ее употребления и распространенности в речи. В данном параграфе мы постараемся рассмотреть, как эти два явления проявляют себя при адаптации текста на ясный язык и имеют ли место другие процессы.

Под *конкретизацией* принято понимать замену “слова или словосочетания языка оригинала с более широким значением словом или словосочетанием языка перевода с более узким значением” (Л.С. Бархударов, 2021, 23). К приему конкретизации прибегают в связи с отсутствием в языке перевода лексического эквивалента с таким же широким значением, разной степенью употребительности этих слов в двух языках, расхождением в их коннотациях (А.Н. Бессонова, 2013, 129). В ясном языке замена слов на более конкретные обусловлена сложностью для читателей понимать обобщенные и абстрактные понятия.

Из типичных примеров конкретизации при переводе текста на ясный язык можно выделить следующие:

1) *Mobilnät och internet fungerar inte.* → *Mobiltelefoner och internet fungerar inte.*

“**Мобильная сеть и Интернет не работают**” → “**Мобильные телефоны и Интернет не работают**”.

2) “*Kollektivtrafik och andra transporter står stilla*” → “*Bussar, tåg och tunnelbana fungerar inte*”.

“**Общественный и другие виды транспорта** останавливаются” → “**Автобусы, поезда и метро** перестают работать”.

3) “*En god handhygien är viktig för att undvika smittor*” → “*Var noga med att tvätta händerna för att inte sprida bakterier och sjukdomar*”.

“Тщательная гигиена важна, чтобы избежать **заражений**” → “Тщательно мойте руки, чтобы не распространять **микробы и болезни**”.

Как видно из примеров 2 и 3, при адаптации лексики на семантическом уровне одно обобщающее понятие (“*kollektivtrafik*”, “*smittor*”) часто заменяется несколькими более конкретными словами, входящими в исходное понятие (“*bussar, tåg och tunnelbana*”, “*bakterier och sjukdomar*”). В синтаксической структуре предложения такой вид замены несет за собой употребление однородных членов, но делает мысль более конкретной.

Конкретизацию лексики на уровне словосочетания демонстрируют следующие пары предложений:

1) “*Tänk igenom hur du och personer i din närhet...*” → “*Tänk igenom hur du och din familj och vänner...*”

“Продумайте, как вы и **ваше окружение...**” → “Продумайте, как вы, **ваша семья и друзья...**”

2) “*Du behöver också kunna följa mediernas rapportering*” → “*Du behöver också kunna följa information på internet, i tidningar och på teve*”.

“Вы также должны иметь возможность следить за **сообщениями в СМИ**” → “Вы также должны иметь возможность следить за **информацией в Интернете, газетах и по телевизору**”.

Любопытный пример конкретизации находим в следующей паре предложений:

- “*Räkna med minst tre liter per vuxen och dygn*” → “*Varje vuxen person behöver minst tre liter vatten på 24 timmar*”

“Для взрослого человека рассчитывайте минимум по три литра воды в

сутки” → “Взрослому человеку необходимо как минимум три литра воды каждые **24 часа**”.

Как было упомянуто нами ранее, в одной из своих рекомендаций М. Сундин, затрагивая тему числительных, призывает стремиться к отказу от их частого использования. Однако в вышеуказанном примере выбор переводчика всё же делается в пользу конкретности.

Процессом, обратным конкретизации, считается прием *генерализации*, то есть замены лексической единицы с более узким значением словом или словосочетанием с более широким значением (Бархударов, 2021, 23). Для ясного языка, согласно теоретическим рекомендациям, это явление будет являться нетипичным, и мы в нашем материале находим лишь единственный такой пример:

- “*Många ideella organisationer och trossamfund gör viktiga insatser*” → “*Många föreningar gör viktigt arbete.*”

“Многие **некоммерческие организации и религиозные объединения** вносят важный вклад” → “Многие **объединения** выполняют важную работу”.

Отказ от конкретики в данном случае может быть обусловлен сложностью (*trossamfund* является композитом), меньшей распространенностью исходных лексических единиц, излишностью информации, представленной в них.

Известно, что наиболее частыми трансформациями при переводе с одного языка на другой являются лексико-грамматические или смешанные. К ним В. Н. Комиссаров относит, например, экспликацию. Под *экспликацией* понимается замена лексической единицы оригинала словосочетанием, “эксплицирующим ее значение, то есть дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на язык перевода” (Комиссаров, 1990, 256). В нашем материале находим следующие примеры экспликаций:

1) “*Om du är osäker på kvaliteten behöver du kunna koka vattnet*” → “*Du behöver kunna koka vattnet om du är osäker på om det är rent*”

“Если вы не уверены в **качестве** воды, вам необходимо прокипятить ее”

→ “Вам нужно прокипятить воду, если вы не уверены, **чистая ли она**”.

2) “*Det blir svårt att få tag i läkemedel och **medicinsk utrustning***” → “*Det blir svårt att få tag på medicin, **sprutor och annat som behövs i vården***”.

“Становится трудно достать лекарственные средства и **медицинское оборудование**” → “Становится трудно достать лекарства, **шприцы и другое, что нужно для оказания медицинской помощи**”.

При этом мы также можем видеть, что переводчик делает выбор в пользу более конкретных лексических единиц при отказе от абстрактных и более сложных (“*vattnets kvalitet*” → “*om vattnet är rent*”, “*medicinsk utrustning*” → “*sprutor och annat...*”).

Более масштабной лексико-грамматической трансформации подвергся следующий пример:

- “*Om du vill **engagera dig i och påverka den politiska processen i Region Skåne, finns det flera olika möjligheter***” → “*Om du vill **säga vad du tycker eller fråga om det vi gör finns olika forum och sätt att kontakta oss***”

“Если вы хотите **проявить инициативу и повлиять на политический процесс** в регионе Сконе, у вас есть немало различных **возможностей**” →

“Если вы хотите **сказать, что думаете, или спросить о том, что мы делаем, есть разные форумы и способы связаться с нами**”.

Сочетания *engagera dig* (“принять участие, проявить инициативу”) и *påverka den politiska processen* (“повлиять на политический процесс”) заменены на конструкции “глагол + придаточное предложение” *säga vad du tycker* и *fråga om det vi gör*, обладающие большей конкретикой. Абстрактное слово *möjlighet* (“возможность”) трансформируется в конструкцию *forum och sätt att kontakta oss*.

Таким образом, ясные тексты действительно характеризуются избеганием абстрактных и обобщающих слов и выражений, а упрощение лексики с точки зрения ее конкретности происходит главным образом за счет использования таких переводческих трансформаций как конкретизация и экспликация.

Что касается упрощения лексики, такой процесс не является типичным

для межъязыкового перевода, но вполне возможен в рамках внутриязыкового перевода. Согласно принципам, описанным М. Сундин, упрощение лексики происходит посредством выбора более часто употребляемых лексических единиц, а также пояснением сложных понятий и терминов, что, вероятно, обусловлено тем, что некоторые группы реципиентов обладают ограниченным словарным запасом. На наш взгляд, данный принцип схож с процессом адаптации аутентичных текстов для изучающих иностранный язык, в ходе которого происходит трансформация сложных лексических единиц в более простые, составляющие обязательный словарный запас учащегося на данном уровне языка (Л. Г. Мартыненко, 2017, 63). При этом отбор лексических единиц для обучения языку на том или ином уровне производится на основе ряда принципов, одним из которых является принцип частотности и распространенности в общении (Н.Д. Гальскова, 2006, 190). Осуществляя лексико-семантические замены, переводчик всеми возможными способами стремится сделать выбор в пользу тех слов и выражений, которые будут знакомы максимальной доле реципиентов, то есть входящих в их базовый словарь. Такой подход, вероятно, влечет за собой изменения и в стиле текста, поскольку очевидно, что он предполагает отказ от сложных для понимания архаизмов, редких слов, терминов, канцелярских выражений, то есть лексики, тяготеющей к книжному языку, официально-деловому стилю.

Отличием перевода на ясный язык от адаптации оригинальной литературы под определенный уровень языка является избегание употребления новых слов, не знакомых читателю, в связи с отсутствием в ясной литературе цели развивать языковые и речевые навыки, пополнять словарный запас. При этом нельзя сказать, что ясная литература не может выполнять обучающую функцию, поскольку она помогает многим группам, испытывающим трудности в чтении, перейти к текстам более сложного уровня, а также подготовиться к чтению оригинальной литературы (*МТМ*, официальный сайт).

Итак, в нашем материале находим следующие примеры лексико-семантического упрощения:

1) *Om du är förberedd **bidrar du till...*** → *“Om du är förberedd **kan du hjälpa till...**”*.

“Если вы подготовлены, вы **вносите свой вклад...**” → “Если вы подготовлены, вы **помогаете...**”

2) *“Vädra **regelbundet** för att få in **syre**”* → *“Vädra en kort stund **ibland** för att få in **luft**”*.

“**Регулярно** проветривайте, чтобы (в помещение поступал) **кислород**” → “Проветривайте иногда, чтобы (в комнату шел) **воздух**”.

3) *“...**meddela** om du ser något viktigt”* → *“...**berätta** om du ser något viktigt”*.

“...**сообщите**, если увидите что-то важное” → “...**расскажите**, если увидите что-то важное”.

4) *“Mobilsignalen kan **röja** en person som gömmer sig.”* → *“Ringsignalen kan **avslöja** någon som försöker gömma sig.”*

“Сигнал мобильного телефона может **выявить** прячущегося человека” →

“Сигнал мобильного телефона может **выдать** человека, который пытается спрятаться”.

Во всех приведенных случаях мы видим замену исходных лексических единиц на более часто употребляемые. Чтобы убедиться в подлинности этой мысли, прибегнем к помощи национального корпуса шведского языка (Språkbanken korpr), рассчитывающего частоту употребления слов в разных источниках, и сравним употребляемость лексических единиц в исходном тексте с их переводом на ясный язык:

Исходная ЛЕ	Кол-во употреблений	ЛЕ в переводе	Кол-во употреблений
bidra till	33 127	hjälpa till	35 535
regelbundet	43 206	ibland	477 190
syre	9 210	luft	122 472
meddela	216 179	berätta	749 426
röja	3 021	avslöja	136 934

Как мы видим, все исходные слова с той или иной степенью расхождения имеют меньшую распространенность, чем подобранные им эквиваленты.

С точки зрения стиля охарактеризовать ясный язык пока довольно сложно. Приведенные лексические пары могут в равной степени употребляться как в письменной, так и в устной речи. Однако мы с большей долей вероятности можем встретить глагол *meddela* в письменном деловом тексте, нежели его синоним *berätta*. То же самое касается, например, наречий *regelbundet* и *ibland*. Далее мы видим похожую тенденцию, а именно примеры отказа от тех слов и выражений, которые часто встречаются в деловых, канцелярских текстах и скорее относятся к книжному языку:

- 1) “*Regionfullmäktige beslutar om...*” → “*Regionfullmäktige bestämmer om...*”
 “Региональные органы исполнительной власти **постановляют...**” →
 “Региональные органы исполнительной власти **решают...**”
- 2) “*Därför ska planeringen för Sveriges civila försvar återupptas*” →
 “*Regeringen vill också att det civila försvaret ska utvecklas*”.
 “Поэтому планирование гражданской обороны Швеции должно **быть возобновлено**” → “Правительство также хочет, чтобы гражданская оборона **развивалась**”.
- 3) “*Regionfullmäktige styr nämnderna genom att... ange mål*” →
 “*Regionfullmäktige styr nämnderna genom att de sätter upp mål*”.
 “Региональные органы исполнительной власти руководят посредством... **постановки задач**” → “Региональные органы исполнительной власти руководят посредством того, что **ставят задачи**”.
- 4) “*Allmän tjänsteplikt... innebär att man tjänstgör inom verksamheter*” →
 “*Allmän tjänsteplikt... betyder att du kan arbeta i verksamheter*”.
 “Альтернативная гражданская служба... **подразумевает исполнение обязанностей** в государственных учреждениях” → “Альтернативная гражданская служба... **означает, что вы можете работать** в государственных учреждениях”.

Исходные лексические единицы *besluta, återuppta, ange mål, innebära, tjänstgöra* являются характерными для текстов официально-делового стиля и редко употребляются в простой разговорной речи. Их альтернативы *bestämma, utveckla, sätta upp, betyda, arbeta* носят нейтральный или бытовой характер, могут одинаково относиться к устной и письменной речи.

М. Сундин также призывает избегать употребления терминов и сложных понятий, либо давать им исчерпывающее объяснение. В случаях, когда отказаться от использования терминов не удастся, им действительно приводится пояснительная характеристика, например:

- 1) *“Regionfullmäktige utser även Region Skånes revisorer som självständigt och politiskt oberoende granskar all verksamhet i Region Skåne” → “Regionfullmäktige bestämmer även vilka personer som ska granska Region Skånes verksamhet. Dessa personer kallas revisorer”.*

“Региональные органы исполнительной власти также назначают **ревизоров**, которые самостоятельно и политически независимо проверяют и оценивают всю деятельность в регионе Сконе” → “Региональные органы исполнительной власти также решают, **кто будет проверять и оценивать деятельность в регионе Сконе**. Такие люди называются **ревизорами**”.

- 2) *“I form av medborgardialog och brukarsamverkan ger vi även medborgare möjlighet att via fokusgrupper, webbenkäter eller direktkontakt kommentera och diskutera viktiga frågor” → “Ibland ordnar vi dialoger där man får säga vad man tycker. Då får man prata eller svara på webbenkäter om viktiga frågor. Det kallas för medborgardialog och brukarsamverkan.”*

“В форме диалога с гражданами и сотрудничества с пользователями мы также даем жителям возможность с помощью фокусных групп, Интернет-опросов или прямых обращений комментировать и обсуждать важные вопросы” → “Иногда мы организуем диалоги, в которых все могут говорить, что думают. На них можно высказываться, или можно участвовать в онлайн-опросах по важным темам. Это называется “**диалогом с гражданами**” и “**сотрудничеством с пользователями**”.

Таким образом, в ходе анализа лексико-семантических трансформаций при переводе на ясный язык мы пришли к нескольким важным выводам:

- 1) Как и предписывают принципы, выделенные М. Сундин, лексика ясного языка *стремится к конкретности*, в отличие от абстракции. Это достигается за счет таких трансформаций как конкретизация и экспликация.
- 2) Лексико-семантическое упрощение текста осуществляется путем использования *более часто употребляемых по сравнению с оригиналом лексических единиц*. Вследствие этого ясный язык становится тяготеющим к использованию *нейтральной, бытовой лексики* в отличие от деловой, канцелярской, официальной.
- 3) В целом, ясный текст стремится к отказу от терминологии, однако при необходимости использования того или иного термина переводчик незамедлительно дает ему поясняющий комментарий.

4.2. Отказ от сложных и производных слов

Известно, что словарный состав любого языка постоянно, с течением внутренних и внешних общественных процессов пополняется новыми лексическими единицами. Согласно У. Туреллю, наиболее характерным способом образования новых слов в германских языках является именно основосложение (Thorell, 1981, 96). Что касается шведского языка, исследователь подчеркивает, что в нем “возможности образования композитов в принципе безграничны”. В настоящее время об этом свидетельствует постоянное пополнение списков неологизмов, которые ежегодно издаются Шведским институтом языка и фольклора, *Institutet för språk och folkminnen*, и публикуются на официальном сайте. К последним неологизмам, образованным основосложением, относятся, например, слова *genombrottsinfektion* (“инфекция, поражающая человека, вакцинированного от этой инфекции”) и *domedagsskrollande* (“чрезмерное потребление информации негативного характера через СМИ и Интернет”). Интересным является тот факт, что лишь часть новых слов включена в словари. Неологизмы, образованные путем

словосложения, совершенно свободно могут возникать в речи носителя языка и иметь окказиональный характер (Thorell, 1981, 96).

Шведские сложные слова, как правило, состоят из двух компонентов – уточняемого и уточняющего (С. С. Маслова-Лашанская, 1995, 221). Однако часто само по себе сложное слово может становится компонентом нового сложного слова: из *rävskinn*, “лисий мех” (от *räv*, “лиса” + *skinn*, “мех”) в *rävskinnskrage*, “воротник из лисьего меха” (*rävskinn* + *krage*)². Таким образом, цепочки двух или нескольких слов разных частей речи, чаще всего существительных, выстраиваются в новое, зачастую длинное слово. Как видно из приведенных в параграфе примеров композитов, два компонента могут быть объединены соединительной морфемой (чаще всего -s-, также возможны морфемы -o-, -a-), либо обходиться без нее.

Таким образом, композиты являются одной из характерных черт лексической стороны шведского языка. Однако в ясном языке сложные слова являют собой преграду для понимания по двум причинам:

- 1) длина композита зачастую превышает рекомендованную (6 букв по Бьёрнссону и 13 букв по Мюленбок);
- 2) семантически значение композита часто представляет собой сумму значений его компонентов, либо имеет собственное уникальное значение (по С.С. Масловой-Лашанской – цельнозначные и нецельнозначные композиты), но в обоих случаях процесс его декодирования, на наш взгляд, осложняет процесс чтения.

Так или иначе, отобранный нами материал богат примерами трансформаций сложных слов в более простые лексические единицы или грамматические конструкции. В частности, ниже наблюдаем случаи лексико-семантической замены композитов:

- 1) “*Arbetet syftar till att skydda **civilbefolkningen** (civil + befolkning)*” → “*Det kan vara att skydda **människor***”

² Примеры С. С. Масловой-Лашанской

“Деятельность (гражданской обороны) направлена на защиту **мирного населения**” → “(Деятельность гражданской обороны может осуществляться) для того, чтобы защищать **людей**”.

2) “...*exempelvis om du bor på landsbygd* (land + bygd)” → “...*om du bor på landet*”

“... например, если вы живете **в сельской местности**” → “... если вы живете **за городом**”.

Известны случаи “разбивки” сложных слов на их компоненты, то есть замены композитов на словосочетания, являющиеся равными им по значению:

1) “*Ambassaderna har även aktuell reseinformation på Sweden Abroad*”

(“У посольств также есть актуальная **информация** для **путешественников** на сайте “Sweden Abroad”) → “*Ambassaderna har också aktuell information om att resa på Sweden Abroad*”.

2) “*Rent dricksvatten är livsnödvärdigt*” → “*Rent dricksvatten är nödvändigt för att leva*”

“Чистая питьевая вода **жизненно необходима**” → “Чистая питьевая вода **необходима, чтобы жить**”.

3) “*Utomhusvarning*” → “*Varning utomhus*”

“Системы наружного оповещения” → “Системы оповещения **снаружи / вне дома**”

Несмотря на удобство такой переводческой стратегии, практически она возможна не со всеми сложными словами, а только с цельнозначными. Так или иначе, наиболее частыми трансформациями остаются лексико-грамматические замены, например:

1) “*Störningar i viktiga it-system kan påverka elförsörjningen*” → “*Störningar i it-system kan göra att elektriciteten fungerar dåligt eller helt slutar fungera*”.

“Сбои в работе важных информационных систем могут **повлиять на электроснабжение**” → “Сбои в работе информационных систем могут **сделать так, что электричество будет плохо работать или перестанет работать совсем**”.

- 2) “*Syftet kan vara att minska vår motståndskraft och försvarsvilja*” → “*Detta gör de för att vi ska bli sämre på att försvara vårt land och oss själva*”.

“Цель (распространения недостоверной информации) может состоять в том, чтобы снизить наши **способность к сопротивлению и желание защищаться**” → “Они делают это, **чтобы у нас хуже получалось защищать свою страну и самих себя**”.

- 3) “...måste visa upp bevis på **negativt testresultat**” → “måste också visa **att de tagit ett test som visar att de inte har covid-19**”.

“...должны предоставить **отрицательный результат теста**” → “...должны также показать, **что они сделали тест, который показывает, что у них нет вируса covid-19**”.

- 4) “*Det bästa skyddet mot falsk information och fientlig propaganda är att vara källkritisk*” → “*Bästa sättet att skydda sig mot sådan information är att kontrollera noga varifrån informationen kommer och vilken sorts information det handlar om*”.

“Лучший способ защититься от недостоверной информации и вражеской пропаганды – быть **критичным в отношении источников**” → “Лучший способ защититься от такой информации – **тщательно проверять, откуда пришла информация, и о какого рода сведениях в ней идет речь**”.

Во всех приведенных случаях словосочетания с композитами (“*påverka elförsörjningen*”, “*minska vår motståndskraft och försvarsvilja*”, “*negativt testresultat*”, “*att vara källkritisk*”) заменены на конструкции с придаточными предложениями. Заметим, что в первых трех примерах исходные сложные слова являются существительными, подвергающимися замене на придаточные, в составе которых есть один или несколько глаголов. Это в очередной раз подтверждает тезис о сложности текста, избыточного существительными и номинативными конструкциями, в отличие от глагольных, а также сближает ясный язык с разговорно-бытовой речью. Предлагаем еще несколько примеров, иллюстрирующих наш тезис:

1) “*Ladda ner appen... för att få aktuell information om ditt resmål*” → “*Ladda ner appen UD Resklar för att få aktuell information om landet du ska resa till*”

“Скачайте приложение... чтобы получать актуальную информацию о вашем **туристическом направлении**” → “Скачайте приложение... чтобы получать актуальную информацию о **стране, в которую вы едете**”.

2) “*En god handhygien är viktig för att undvika smittor*” → “*Var noga med att tvätta händerna för att inte sprida bakterier och sjukdomar.*”

“**Тщательная гигиена рук** важна для того, чтобы избежать инфекций” → “**Тщательно мойте руки**, чтобы не распространять микробы и болезни”.

3) “*Vid krigsfara och krig ska det civila försvaret också kunna stödja Försvarsmakten*” → *Det civila försvaret hjälper Försvarsmakten när det är krig eller fara för krig*”.

“В случае **угрозы войны** или самой войны гражданская оборона также должна быть в состоянии поддержать Вооруженные Силы” →

“Гражданская оборона помогает Вооруженным Силам, **когда идет война или существует угроза войны**”.

Таким образом, при переводе на ясный язык предложений со сложными словами используются главным образом лексико-семантические замены (семантическое упрощение) и лексико-грамматические трансформации, эксплицирующие его значение (“разбивка” композита на равнозначное словосочетание, замена на придаточное предложение, разъясняющее смысл конкретной фразы с композитом), причем часто существительное заменяется на близкий по значению глагол или глагольную фразу.

Еще одним важнейшим способом пополнения лексического фонда новыми единицами в шведском языке является аффиксальное словопроизводство. В параграфе о “субстантивной болезни” мы рассматривали случаи отказа от существительных и прилагательных, полученных путем номинализации, их замен и перифразы иными средствами языка:

- “*Alla har en skyldighet att bidra*” → “*Alla måste hjälpa till*”.

“**Все имеют обязанность** вносить свой вклад” → “**Все должны**”

помогать”.

Однако в нашем материале мы обнаружили избегание не только дериватов, образованных от глаголов и причастий, но и существительных, прилагательных, причастий, образованных от других частей речи. Рассмотрим следующие примеры:

- 1) “*Det militära försvaret består av... ett antal myndigheter som **har till huvuduppgift** att stödja det militära försvaret*” → “*Det militära försvaret består av... vissa myndigheter som **ska hjälpa** det militära försvaret*”.

“В состав вооруженных сил входят также... ряд государственных служб, **основной задачей** которых является поддержка военных” → “В состав вооруженных сил входят... некоторые государственные службы, которые **должны помогать** военным”.

- 2) “*Dela inte **obekräftad** information på nätet eller på något annat sätt*” → “*Sprid inte information från internet som **du inte vet att du kan lita på***”.

“Не распространяйте **неподтвержденную** информацию в Интернете” → “Не распространяйте информацию, **в достоверности которой вы не уверены**”.

- 3) “*Håll dig **välinformerad***” → “*Se till att **få information***”.

“Будьте **хорошо проинформированы**” → “Следите за тем, **чтобы получать информацию**”.

В примере 1 конструкция с существительным *huvuduppgift*, образованным присоединением приставки *huvud-* со значением “главный, основной” к исходному существительному *uppgift* (“задача”) заменяется глагольным сочетанием *ska hjälpa*. Далее мы видим выбор в пользу придаточного предложения вместо использования причастия *obekräftad*, полученного от глагола *bekräfta* (“подтверждать”), а в третьем примере – употребление сочетания *att få information* (“получать информацию”) вместо причастия *välinformerad* (от глагола *informera*, “информировать”, соединенного с приставкой *väl-*, “хорошо”).

Мы считаем, что причиной таких трансформаций является не столько

длина этих лексических единиц (*huvuduppgift* – 12 букв, *obekräftad* – 10 букв, *välinformerad* – 13 букв), сколько, с одной стороны, их семантическая сложность и, с другой, нераспространенность в речи. Чтобы доказать эту мысль, взглянем на еще одну пару примеров:

1) “*Staten kan exempelvis ta över privat **egendom**...*” → “*Till exempel kan staten ta över sådant som en privatperson äger...*”

“Например, государство может забрать личное **имущество...**” →

“Например, государство может забрать **то, чем владеет частное лицо...**”

2) “*Vem är **avsändaren**?*” → “*Vem kommer **informationen** ifrån?*”

“Кто **отправитель?**” → “От кого **пришла эта информация?**”

Отказ от существительного *egendom* (“имущество”, “собственность”), образованного от прилагательного *egen* (“свой”, “собственный”), вероятно, обусловлен абстрактным значением данной лексической единицы. Напротив, существительное *avsändaren* (приставка *av-* + глагол *sända* + суффикс *-are*), обладающее весьма конкретной семантикой (“человек, передавший какую-либо информацию”), скорее, представляет сложность в связи с меньшей распространенностью, нежели, например, конструкция *komma ifrån*. Отметим также, что длина деривата *egendom* всего 7, а существительного *avsändaren* – 10 букв, то есть в пределах соответствующих рекомендаций. Таким образом, в вышеуказанных примерах мы видим скорее соблюдение переводчиком принципов конкретности и распространенности лексической единицы, нежели отказа от чересчур длинных слов.

При этом заметим, что и длина слова играет роль при выборе переводческого решения. От этого зависит, например, грамматическая форма слова:

1) “*Mat och andra varor kan ta slut i **affärerna***” → “*Mat och andra varor tar slut i **affären***”.

“В **магазинах** (мн.ч., определенная форма) могут закончиться продукты и другие товары” → “В **магазине** (ед.ч., определенная форма) заканчиваются продукты и другие товары”.

2) “...**rätten** att leva som vi själva väljer” → “...**vår rätt** att leva som vi själva väljer”.

“...**право** (ед.ч., определенная форма) жить, как мы сами хотим” →

“...**наше право** (ед.ч., неопределенная форма) жить, как мы сами хотим”.

3) “*De frivilliga försvarsorganisationerna*” → “*Till exempel finns frivilliga försvarsorganisationer*”.

“Добровольные **организации гражданской обороны** (мн.ч., определенная форма)” → “Например, есть добровольные **организации по гражданской обороне** (мн.ч., неопределенная форма)”.

В примерах выше без особого изменения смысла переводчик делает выбор в пользу той грамматической формы, которая по количеству букв является более короткой. По такому же принципу К. Бьёрнссон в связи с особым, “порционным” характером взгляда читающего предлагал вместо существительного *kvinnorna* (женщины, определенная форма) использовать формы *kvinnor* (женщины, неопределенная форма), *kvinnan* (“женщина”, определенная форма) или самый короткий вариант – *kvinna* (“женщина”, неопределенная форма).

Итак, рассмотрев примеры трансформаций сложных и производных слов в нашем материале, мы обнаружили ряд тенденций, которых склонен придерживаться переводчик при адаптации текста на ясный язык:

- Композиты действительно представляют сложность для читающего. Об этом свидетельствует большое количество примеров замены композитов на более короткие и легкие лексические единицы и лексико-грамматические конструкции. На наш взгляд, это может быть связано как с длиной сложного слова, так и его семантической насыщенностью, декодирование которой нередко порождает трудности.
- Отказ от производных слов обусловлен их семантикой и частотой употребления в речи. В целом, производные слова могут не представлять сложности для читателя в том случае, если они не нарушают принципов конкретности и распространенности.

- Вслед за К. Бьёрнссоном, переводчик склонен делать выбор в пользу более коротких грамматических форм слова.
- Избегая использования композитов и сложных производных слов, в качестве их замены переводчик вновь прибегает к употреблению глаголов и глагольных фраз вместо существительных и конструкций с ними, что в очередной раз доказывает, с одной стороны, сложность последних, а с другой, принадлежность ясного языка к бытовому, разговорному стилю.

4.3. Лексический повтор как способ достижения ясности

В данном параграфе на основе практического анализа мы раскроем содержание тезиса М. Сундин *“употребляйте те же самые слова”*. Эта рекомендация, подобно принципу использования простой и часто употребляемой лексики, связана с ограниченным словарным запасом реципиентов ясного языка, а также тем, что для данных целевых групп необходимо давать как можно более четкую ссылку на референта. Такой подход буквально предполагает отказ от синонимов и, следовательно, обилие в тексте повторов, что, безусловно, представляет интерес при анализе стиля текста.

Повтору как фактору стиля уделено немало внимания в анализе художественных, в особенности поэтических текстов. Еще во времена античности повтор широко использовался в качестве одного из приемов риторики. Сила его воздействия на читателя отмечается многими учеными-исследователями античности (А.М. Надежкин, 2015, 44). Как пишет В.П. Москвин, “фигурами повтора с античных времен пользуются, с одной стороны, ораторы и политики, а с другой – поэты” (Москвин, 2000, 83).

В настоящее время повтор как стилистический прием относят как к лексическому, так и к синтаксическому уровню языка (Надежкин, 2015, 49). В.А. Кухаренко, рассуждая об уровневой природе повтора, отмечает, что этот прием занимает промежуточное положение между синтаксическими и лексическими средствами языка, и относит его к лексико-синтаксическим

средствам выразительности.

Отметим, что понятие “повтор” в исследованиях лингвистов включает в себя разные трактовки. Одно из наиболее общих определений мы можем встретить в словаре О.С. Ахмановой, которая рассматривает повтор как “полное и частичное повторение корня, основы или целого слова без изменения их звукового состава или с его частичным изменением” (Ахманова, 1996, 316). Такая трактовка подразумевает и явление корневого повтора, которое также может выступать в качестве средства языковой выразительности. При этом множество работ, в которых рассматриваются особенности стиля конкретного писателя, посвящены изучению именно лексических повторов. Под “лексическим повтором” И.В. Арнольд понимает “повторение слов или словосочетаний в составе одного предложения, абзаца или целого текста”. При этом исследователь подчеркивает, что расстояние между повторяющимися элементами текста может быть различным, так, что читатель, порой, может не замечать повтора (Арнольд, 2018, 175). О.И. Фонякова называет лексический повтор приемом словоупотребления, состоящим в “неоднократном использовании одной и той же лексической единицы в слитном, контактном или раздельном синтаксическом контексте с определенной структурно-художественной функцией” (Фонякова, 1973, 58).

В настоящем параграфе мы будем рассматривать случаи лексического повтора, который, вслед за указанными авторами, будем понимать как употребление в пределах одного предложения, цепочки фраз или абзаца одной и той же лексической единицы внутри схожей синтаксической структуры два и более раз.

Таким образом, функция повтора как средства выразительности общепризнанна и очевидна. Однако не всегда повтор является способом придания речи экспрессивности. Обилие повторов может быть проявлением однообразия речи и выступать в качестве стилистической ошибки, нарушающей принцип ее богатства (Е.Г. Шаховалова, 2020, 17). Повтор в качестве речевого недочета рассматривает и Л.Б. Никитина, которая определяет его как

“повторение одного и того же слова в узком контексте” (Никитина, 2021, 24).
 Разумеется, в таком виде словоупотребления повтор перестает придавать тексту выразительность и эмоциональность и в русской традиции культуры речи является недостатком, признаком дурного стиля.

Рассматривая лексические повторы в текстах переводов на ясный язык мы, скорее, можем отнести их к речевым недочетам, нежели к стилистическому приему:

1) “*Gå gärna ihop om vissa saker och låna av varandra*” → “*Hjälp gärna **varandra**, ha till exempel saker tillsammans eller låna av **varandra***”.

“Не стесняйтесь делить вещи (первой необходимости) или одалживать их друг у друга” → “Не стесняйтесь помогать **друг другу**, например, вместе делить вещи (первой необходимости) или одалживать их **друг у друга**”.

2) “*Använd hållbar mat som kan tillagas snabbt, kräver liten mängd vatten eller som kan ätas utan tillagning*” → “*Använd mat som håller länge och som du snabbt kan **laga**, **laga** med lite vatten eller som du kan äta utan att **laga***”

“Используйте нескоропортящиеся продукты, которые можно быстро приготовить, не требуют большого количества воды или могут быть употреблены в пищу без приготовления” → “Используйте продукты, которые долго хранятся, которые вы можете **приготовить** быстро, **приготовить** с малым количеством воды или съесть, **не готовя**”.

3) “*Du behöver också kunna följa mediernas rapportering, ha kontakt med anhöriga och vänner och i akuta fall kunna nå räddningstjänst, sjukvård eller polis*” → “***Du behöver** också kunna följa information på internet, i tidningar och på teve. **Du behöver** kunna ha kontakt med familj och vänner. Om något akut händer **behöver du** kunna kontakta polis, räddningstjänst eller sjukvård*”.

“Вы также должны иметь возможность следить за сообщениями в СМИ, поддерживать контакты с родственниками и друзьями и в экстренных случаях иметь возможность обратиться в спасательные службы, за медицинской помощью или в полицию” → “**Вы также должны** иметь возможность следить за информацией в интернете, газетах и по

телевизору. **Вы должны** поддерживать связь с семьей и друзьями. Если случается что-то экстренное, **вы должны** иметь возможность обратиться в спасательные службы, за медицинской помощью или в полицию”.

Таким образом, выше мы видим дублирование наречия *varandra*, трехкратное употребление глагола *laga* (“готовить”) внутри одного предложения, повторение сочетания *du behöver* (“вы должны”, “вам необходимо”), в то время как в исходном тексте соответствующие им единицы использованы лишь один раз. В общем смысле употребление тех же самых лексических единиц обусловлено обеспечением понятности, отказом от сложных языковых элементов (например, пассивная форма *tillagas* и отглагольное существительное *tillagning* в примере 2, цепочка однородных сказуемых в примере 3).

Говоря о шведском языке в целом, необходимо отметить, что повторы как стилистической ошибке посвящено очень мало теоретических исследований, в отличие от изучения его стилистического потенциала. Это может свидетельствовать о том, что для шведской языковой нормы не свойственно рассматривать наличие повторов как речевую ошибку. Кроме того, в ясном языке, согласно рекомендациям, употребление одних и тех же слов является фактором, облегчающим восприятие текста. Таким образом, возникновение лексических повторов при переводе на ясный язык не только не нарушает стилистическую грамотность речи, но и является преимуществом.

Рассмотрим еще пример:

- “*Här får du allmänna **tips** för din hemberedskap. Använd **det** som passar just dig och dina nära*” → “*Här får du **tips** som är bra för alla. Använd **de tips** som passar dig, din familj och vänner*”.

“Здесь вы найдете основные **советы** по подготовке дома к кризису. Пользуйтесь **тем**, что подходит вам и вашим близким” → “Здесь вы найдете **советы**, подходящие всем. Пользуйтесь **теми советами**, которые подходят вам, вашей семье и друзьям”.

Как видим, в приведенном случае возникновение лексического повтора (*tips*, “*de tips som*”) связано с избеганием обладающего многозначностью указательного местоимения *det*. Несмотря на повтор, мысль доносится до читателя в более четкой и прозрачной форме.

То же самое можно сказать о следующем абзаце, в котором каждое последующее предложение начинается с повторения существительного *terrorattentat*:

- “**Ett terrorattentat** kan riktas mot privatpersoner, mot vissa grupper eller mot alla människor. **Terrorattentat** kan också riktas mot viktiga delar av samhället, till exempel mot elsystemet eller transportsystemet. **Ett terrorattentat** kan göras på olika sätt eller på olika platser men det finns råd som du kan följa...”

“**Террористический акт** может быть направлен на частные лица, на определенные группы людей или на все общество. **Террористический акт** также может быть направлен на работу важных для общества элементов, например, на системы электроснабжения или транспорта. **Террористический акт** может быть осуществлен разными способами или в разных местах, но есть правила, которых вы можете придерживаться...”

Чтобы более подробно осветить данную особенность ясного языка, мы решили прибегнуть к использованию дополнительного материала – новостный статей на ясном языке с сайта *8 Sidor.se* и рассмотреть случаи лексических повторов в текстах, созданных на ясном языке изначально.

Итак, большое количество лексических повторов мы видим и в оригинальных “ясных” текстах:

- 1) “*Men nu är det snart sommar och fritt att resa i världen igen. Då behöver många sina pass igen*”. →

“Но скоро лето

и (мы будем) свободно путешествовать по миру **снова**.

И тогда многим понадобится заграничный паспорт **снова**.”

- 2) “*18-åringen säger att han*

*inte har gjort något **brott**.*

*20-åringen har erkänt **brott***". →

“18-летний (подозреваемый) говорит, что он не совершал никакого **преступления**.

20-летний (подозреваемый) признался (в совершении) **преступления**”

3) “*Under den tiden var det*

*få människor som **gifte sig** i Sverige.*

*Men nu är det fler som **gifter sig***”.

“Тогда в Швеции было

мало людей, которые **женились**.

Но сейчас больше тех, кто **женится**”.

Отметим, что в приведенных выше примерах графическое деление текста на укороченные строки сохранено в оригинальном виде. Во всех приведенных случаях мы видим дублирование той же лексической единицы вместо перифразы, использования синонимов (*de som gifter sig – nygifta*) или, например, замены употребленного в предыдущем предложении существительного местоимением (*20-åringen har erkänt **det***).

Следующие примеры иллюстрируют почти идентичное лексико-синтаксическое построение соседствующих предложений:

1) “*I husen **fanns** bland annat*

ett hem för gamla människor.

*Där **fanns** också ett hem*

*för unga **människor***”.

“В здании, кроме того, **находился**

дом для старых людей.

Также там **находился дом**

для молодых людей”.³

2) “*Poliserna visste först inte*

vad den dödade mannen heter.

³ В тексте идет речь о доме престарелых и доме-интернате для несовершеннолетних.

*Senare kunde poliserna få reda
på vad mannen heter”.*

“Полиция сначала не знала,
как зовут убитого человека.

Позже полиция смогла установить,
как зовут этого человека”.

Несмотря на то, что повтор как стилистическая ошибка практически не рассматривается в шведской научной литературы, разумеется, такая “одинаковость” бросается в глаза, и для среднестатистического шведа подобный текст будет выглядеть примитивным. Эта проблема не раз поднималась М. Сундин, которая в своей статье “Простые тексты подходят всем” (*Enkla texter passar alla*) писала о необходимости размещения на сайтах учреждений и организаций универсальных текстов, подходящих как массовому читателю, так и лицам с различными трудностями (Sundin, 2006). Тем не менее, для целевой аудитории газеты *8 Sidor*, то есть реципиентов ясного языка, данное лексико-синтаксическое оформление, несмотря на внешнюю элементарность, является необходимостью, и проанализированные нами примеры подтверждают эту мысль.

Степень удобочитаемости шведского текста с точки зрения лексики оценивается с помощью коэффициента лексического многообразия *ordvariationindex* (*OVIX*). Напомним, что данная формула рассчитывает соотношение новых слов в тексте (т.е. слов, встречающихся в тексте один раз) к ключевым словам (т.е. тем, которые встречаются в тексте неоднократно). Чем выше показатель коэффициента, тем больше доля новых, уникальных слов в тексте и тем разнообразнее его лексическое наполнение.

К сожалению, метрика *OVIX* имеет несколько существенных недостатков. Во-первых, она не способна учитывать разницу между леммой и лексемой слова, а наиболее часто встречающимися словами при расчете обычно оказываются союзы и частицы, что в малой степени помогает оценить реальную долю новых и ключевых слов в тексте. Кроме того, для формулы

OVIX, в отличие от *LIX*, не создано эталонов, то есть показателей, с которыми можно сравнить полученное число, чтобы понять, является ли коэффициент повышенным или находится в пределах нормы.

В нашей работе мы главным образом сконцентрированы на качественном анализе, поэтому количественный расчет лексического разнообразия считаем излишним. Однако сам факт существования этой метрики напоминает об одном из важнейших принципов создания текста на ясном языке: он должен содержать как можно меньше новых слов по отношению к уже употребленным. Чем богаче лексическая сторона текста, тем большую проблему он будет представлять для читающего.

Подводя итог, необходимо отметить, что важнейшую роль в выборе лексики при переводе текста на ясный язык играет ее простота, распространенность и понятность, несмотря на лексическое однообразие, которое следование этому принципу влечет за собой. Выдержать стиль текста, таким образом, является для автора или переводчика вторичной задачей. При этом повтор в шведском языке не считается стилистическим недочетом, однако так или иначе бросается в глаза массовому читателю, поскольку делает текст для него излишне примитивным.

Выводы по Главе 4

1. Лексика ясного языка стремится к конкретности, нежели абстракции. Для перевода текста на ясный язык характерны такие трансформации как конкретизация и экспликация, а также лексико-семантические замены, основанные на использовании более распространенных, часто употребляемых лексических единиц. Это делает ясный язык тяготеющим к использованию нейтральной, бытовой лексики в отличие от деловой, канцелярской, официальной.
2. Отказ от сложных и производных слов обусловлен не столько их длиной, сколько сложностью их декодирования и семантической насыщенностью.

При этом мы также наблюдаем примеры отказа от длинных слов и случаи их замен на более короткие грамматические формы. Анализ трансформаций композитов и дериватов вновь выявил тенденцию ясного языка делать выбор в пользу глаголов, нежели существительных.

3. В связи с ограниченной памятью, сравнительно небольшим словарным запасом и другими особенностями реципиентов ясного языка, в нем прослеживается тенденция к лексическому однообразию, отказу от синонимов, обилию повторов. Несмотря на то, что в шведском языке повтор не считается стилистической ошибкой, злоупотребление данным принципом может сделать текст слишком примитивным. Эта проблема по-прежнему является обсуждаемой среди специалистов в области шведского ясного языка.

Заключение

В нашей работе были рассмотрены основные языковые и стилистические особенности шведского ясного языка на примере текстов с общедоступной информацией. В качестве базы для проведения стилистических оппозиций мы использовали стандартные варианты отобранных текстов и анализировали особенности ясного языка через призму перевода на него текстов оригинала. В данной работе мы сконцентрировались на качественном анализе лексики и грамматики отобранного материала.

Для проведения практического анализа нами был рассмотрен ряд теоретических вопросов. В частности, уточнены понятия *klarspråk* и *lättläst*, определены их эквивалентные русские термины – “простой” и “ясный” языки. Изучена и описана история развития ясного языка в Швеции, а также современное состояние и организация производства “ясной” литературы на шведском языке. Проанализированы сущности процессов “внутриязыковой перевод” и “адаптация”, определено место преобразования текстов на ясный язык среди названных явлений. Так, в данной работе преобразование текста на ясный язык считается, с одной стороны, внутриязыковым переводом, что обусловлено его практической схожестью с этим процессом, т.е. наличием языковых трансформаций на различных уровнях языка, а, с другой стороны, адаптацией, что исходит из специфики некоторых преобразований: например, сокращение, упрощение.

Преобразование текста внутри одного языка, проводимое с определенной целью, зачастую приводит к изменению в стиле текста. Поэтому нами также рассмотрены разные подходы к понятию “стиль”, предпринята попытка выявить принадлежность ясного языка к одному из стилей речи. В ходе практического анализа было выявлено, что в целом из всех функциональных стилей ясный язык наименее схож с официально-деловым и наиболее тяготеет к разговорному стилю.

Данный вывод обусловлен рядом выявленных нами языковых особенностей “ясных” текстов. К наиболее характерным грамматическим

особенностям относятся отказ от номинализации и конструкций с существительными в пользу глаголов и фраз с глаголами, в том числе (и вопреки рекомендациям) в страдательном залоге, употребление большого количества подчинительных предложений. Среди лексических особенностей выделяются использование базовой, часто употребляемой, а также конкретной лексики, отказ от композитов, наличие лексических повторов и сравнительно невысокое лексическое разнообразие. Среди наиболее характерных переводческих трансформаций, таким образом, можно выделить конкретизацию и экспликацию лексики, замену конструкций с существительными на соответствующие глаголы или подчинительные предложения. В целом, в основе перевода текста на ясный язык лежит стремление выразить мысль наиболее простыми средствами. Кроме того, выбор переводчика часто склоняется в пользу ясности, нежели длины текста, предложения, лексической единицы.

Необходимо отметить, что в практической части исследования при переводе примеров на русский иногда приходилось жертвовать стилистической гармонией ради дословной экспликации конструкции.

Описанные в работе механизмы могут быть использованы при создании аналогичных методик / приемов переработки оригинальных текстов на русский ясный язык.

В заключение хотелось бы отметить, что, к сожалению, ограниченность исследования не позволила нам описать все языковые и стилистические особенности шведского ясного языка. Без внимания остались, например, особенности языка и перевода художественных текстов, в частности адаптация образных выражений, тропов и фигур речи, а также графическое оформление текстов на ясном языке. В качестве дальнейшего направления исследования можно предложить изучение особенностей художественных текстов на ясном языке, а также перевода на него оригинальных художественных произведений, стилистический анализ графики “ясных” текстов.

Литература и источники

Литература:

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
2. Антонов В.П. О стилевых чертах Интернет-стиля // Коммуникативная лингвистика : вчера, сегодня, завтра: сб. материалов Международ. науч. конф. / Под общ. ред. Р. С. Сакиевой. – Армавир: АЛУ, 2005. – С. 30–39.
3. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования. – М.: Альянс, 2018. – 300 с.
4. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: URSS, 2009. – 384 с.
5. Баринаова И.А., Нестерова Н.М. Отношение “оригинал/перевод” как один из “вечных” вопросов в теории и практике перевода // Вестник НГЛУ. – 2009. – №4. – С. 11-19.
6. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: URSS, 2021. – 240 с.
7. Бессонова А.Н. Лексические трансформации как один из приёмов перевода текстового материала экономической тематики // Язык и культура (Новосибирск). – 2013. – №9. – С. 128-133.
8. Бородина Д. С. Языковая ситуация и языковая политика в Швеции // Научный диалог. – 2018. – № 2. – С. 25-37.
9. Бредихина И. А. Методика преподавания иностранных языков : Обучение основным видам речевой деятельности : учебное пособие для студентов вуза, обучающихся по направлению подготовки 45.03.02, 45.04.02 «Лингвистика». — Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2018. — 102 с.
10. Ван, Я. Субстантивация и связанные с нею семантические явления // Преподаватель XXI в. — 2016. — № 3(ч.2). — С. 321-328.
11. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

12. Воронцова Т.А. Элементарная стилистика. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. – 130 с.
13. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 460 с.
14. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам : Лингводидактика и методика. – М.: Издательский центр “Академия”, 2006. – 336 с.
15. Герд А. С. Предмет и основные направления прикладной лингвистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/heard/prikling.html> Герд А.С. Предмет и основные направления прикладной лингвистики // Прикладное языкознание. – СПб., 1996.
16. Загидуллин Р.З. Критика концепции перевода как вида языкового посредничества // Теория та практика перекладу. – 1993. – № 19. – С. 23-30.
17. Захаров, В. П. Корпусная лингвистика : учебник. — 3-е изд., перераб. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2020. — 234 с.
18. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. – М.: МПСИ, 2001. – 432 с.
19. Кауфман С.И. Некоторые особенности стиля американской технической литературы : Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М-во просвещения РСФСР. Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. - Москва : [б. и.], 1960. - 16 с.
20. Клычникова З.И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1983. – 207 с.
21. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высш. шк., 1990. - 253 с.
22. Корниенко Е.Р. Смысловое восприятие и понимание иноязычного текста : (При чтении). – М. : ГПИ "Искона", 1996. – 155 с.

23. Лурия А. Р. Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. – М: Издательство МГУ, 1998. – 336 с.
24. Мартыненко, Л.Г. Проблема адаптации художественного текста для обучения письменному высказыванию на иностранном языке // Научное мнение. — 2017. — № 10. — С. 63-66.
25. Мартынюк А. Я. К вопросу о языковой политике // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2016. – №1. – С. 68-71.
26. Масленникова Е.М. Внутриязыковой перевод как способ интерпретации вербальных знаков // Иностранные языки: лингвистические и методологические аспекты. – 2015. – №30. – С. 289-294.
27. Маслова-Лашанская С.С, Толстая Л.Н. Учебник шведского языка. – СПб: Петро-РИФ, 1996. – 271 с.
28. Маслова-Лашанская С.С. Лексикология шведского языка: Учебное пособие / Под ред. А.В. Савицкой. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 240 с.
29. Матыцина И.В. Типичные грамматические особенности официально-деловых текстов в русском и шведском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – № 3. – С. 573-585.
30. Матыцина И.В. Шведский язык официально-делового общения в Новое и Новейшее время // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2020. – № 5. – С. 210-223.
31. Матыцина И.В. Шведский язык сегодня и завтра (по материалам отчета государственной экспертной комиссии) // *Philologica Scandinavica*. Сб. статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского. – 2003. – С. 150-162.
32. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. – М.: ЧНУЗ "Моск. лицей", 1996. – 208 с.

33. Москвин, В. П. Типология повторов как стилистической фигуры // Русский язык в школе. – 2000. – № 5. – С.81-85.
34. Надежкин А.М. Корневой повтор в художественной речи М.И. Цветаевой : дисс. ... канд. фил. наук : 10.02.01 / Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2015. – 208 с.
35. Нечаева Н. В., Каирова Э.М., Борщевский И.С. Ясный и простой языки как средство обеспечения доступности сайтов организаций // Экстрабилити как феномен инклюзивной культуры: формирование инклюзивной культуры в цифровом пространстве : сборник статей III международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 10–11 декабря 2020 года). – Екатеринбург, Издательский дом “Ажур”. – 2021. – С. 105-114.
36. Нечаева Н.В., Хельмле К.-С., Каирова Э.М. Перевод на ясный и простой языки: зарубежный опыт и перспективы России // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2020. – №3. – С. 8-24.
37. Никитина, Л. Б. Стилистика русского языка : учебное пособие. — Москва : ФЛИНТА, 2021. — 112 с.
38. Основы речевой культуры : учебное пособие / составитель Е. Г. Шаховалова. — Барнаул : АлтГИК, 2020. — 67 с.
39. Павлова А.В. От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «Этнической ментальности». – СПб: “Антология”, 2013. – 352 с.
40. Павловская О.Е., Стаценко А.С. Дифференциация функциональных стилей: проблемы и тенденции // Культурная жизнь юга России. – 2015. – №2. – С. 62-64.
41. Первухина С. В. Адаптированный художественный текст: способы повышения понятности // Вестник ЧелГУ. – 2011. – №25. – С. 130-134.
42. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. – М.: Издательство “Аудитория”, 2016. – 244 с.

43. Самойленко К.В. Формальная оценка удобочитаемости текстов Р. Г. Назирова // Назировский архив. – 2018. – №4. – С. 41-89.
44. Сидоренко С. И. К вопросу о статусе и типологии внутриязыкового перевода // Язык и культура в эпоху глобализации: сборник научных трудов по материалам первой международной научной конференции «Язык и культура в эпоху глобализации». – Выпуск 1. В 2-х томах. – Т. 2. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2013 – С. 194-203.
45. Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. – М.: издательство ЛКИ, 2007 - 256 с.
46. Трубицина, О. И. Методика обучения иностранному языку: учебник и практикум для академического бакалавриата / под редакцией О. И. Трубициной. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. — 384 с.
47. Федоров А.В. Введение в теорию перевода. – М., Издательство литературы на иностранных языках, 1953. – 336 с.
48. Фонякова О.И. Стилистическая роль повтора в автобиографических повестях М. Горького. // Вопросы стилистики. – Саратов, 1973. – № 6. – С. 56-69.
49. Чекалина Е.М. Особенности языковой ситуации и языковая политика в современной Швеции // Вестник Московского университета. – 2019. – №6. – С. 9-22.
50. Шепелев А.Н. Языковая политика // Правовая политика и правовая жизнь. – 2009. – №3. – С. 128-132.
51. Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 16-24.
52. Björnsson, H. C. Läsbarhet. – Stockholm: Bokförlaget Liber AB, 1968. – 269 s.
53. Bohman, U. Easy-to-read in Sweden // Handbook of Easy Languages in Europe / ed. by C. Lindholm, U. Vanhatalo. – Berlin, 2021. – S. 527-566.
54. Cassirer P. Stilistiken. – Helsingborg: Retorikförlaget, 2015. – 221 s.

55. Crystal D., Davy D. Investigating English Style. – Harlow: Longman, 1997. – 280 p.
56. Engdahl E. Valet av passivform i modern svenska // Svenskans beskrivning 24. – Linköping Electronic Conference Proceedings, 2001. – 10 s.
57. Englund, H., Sundin M. Att skriva tillgängliga texter // Textvård. Att läsa, skriva och bedöma texter. – Svenska språknämnden, 2006. – S. 130-138.
58. Flesch, R. How to test readability. – New York: Harper & Brothers, 1951. – 56 p.
59. Guidelines for easy-to-read materials / Revision by M. Nomura, G. S. Nielsen and B. Tronbacke on behalf of the IFLA/Library Services to People with Special Needs Section. – The Hague, IFLA Headquarters, 2010. – 31p.
60. Heertum-Embrechts Van L. Tillkomsten och utvecklingen av den perifrastiska passiven med bli. En diakron studie. Master thesis. Universitait Gent, 2014. – 62 s.
61. Josephson, O. Språkpolitik. – Morphem, 2018. – 320 s.
62. Kolln M., Gray L. Rhetorical Grammar: Grammatical Choices, Rhetorical Effects. – Pearson, 2012. – 290 p.
63. Laanemets A. The passive voice in written and spoken Scandinavian // Groninger Arbeitenzur Germanistischen Linguistik. – 2009. – №49. – P. 144-166.
64. Lagerholm P. Stilistik. – Lund : Studentlitteratur, 2008. – 412 s.
65. Landqvist H. Författningssvenska. Strukturer i nutida svensk lagtext i Sverige och Finland. Doktorsavhandling i nordiska språk. Göteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 2000. – 191 s.
66. Lucas F.L. Style. – London: Pan Books, 1995. – 252 p.
67. Lundberg, I, Reichenberg M. Vad är lättläst? – Specialpedagogiska skolmyndigheten, 2009. – 96 s.
68. Murry, J. M. The Problem of Style / J. Middleton Murry. – Ldn, - N.Y., 1961. – 160 p.

69. Mühlenbock, H. K. I see what you mean. Assessing readability for specific target groups: Dissertation. – University of Gothenburg, 2013. – 217 p.
70. Nordman M. Svenskt fackspråk. – Lund: Studentlitteratur, 1992. – 279 s.
71. Petterson, R. Informationsdesign från a–ö. – Tullinge: Institutet för Infologi, 2008. – 296 p.
72. Saintsbury, G. Miscellaneous essays. – London: Rivington, Percival & Co, 1895. – 429 p.
73. Sköld, C. Amy Segerstedt, Punktskriftsbiblioteket grundarna. – Enskede, Talboks- och punktskriftsbiblioteket, 2009. – 78 s.
74. Sundin, M. Lättläst – så funkar det. – Stockholm: Jure, 2007. – 300 s.
75. Thorell O. Svensk ordbildningslära. – Stockholm: Esselte Studium AB, 1981. – 180 s.
76. Wellander E. Kommittesvenska. – Stockholm: Esselte stadium, 1974. – 131 s.
77. Wellander E. Riktig svenska. – Stockholm: Esselte Studium AB, 1973. – 310 s.
78. Wells R. Nominal and Verbal Style. – Cambridge, MA: MIT Press.
79. Wiman, B. Att göra sig förstådd. Om konsten att skriva lättläst i nyhetstidningen 8 sidor. – Stockholm: Stockholms universitet, 1995. – 107 s.
80. Åberg, G. Handbok i svenskan. – Stockholm: Wahlström & Widstrand, 2009. – 335 s.

Электронные базы данных и актуальные Интернет-сайты:

81. Institutet för språk och folkminnen. URL: <https://www.isof.se/>
82. International Plain Language Federation. URL: <https://www.iplfederation.org/>
83. LIX räknare. URL: www.lix.se
84. Legimus, digitala biblioteket URL: <https://www.legimus.se/start>
85. Myndigheten för tillgängliga medier. URL: <https://www.mtm.se/>
86. PISA (Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся) / Федеральный Институт Оценки Качества Образования. URL: <https://fioco.ru/PISA>

87. Språkbanken Text. Institutionen för svenska, flerspråkighet och språkteknologi. Göteborgs universitet. URL: <https://spraakbanken.gu.se/>

Словари и справочные материалы:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 606 с.
2. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – 3-е изд., перераб. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 320 с.
3. Тинякова Е.А. Методические материалы по гуманитарным дисциплинам Ч. II : экзаменационные материалы. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 105 с.
4. Rikstermbanken. URL: <https://rikstermbanken.se>
5. Svensk ordbok utgiven av Svenska Akademien (SO). URL: <https://svenska.se/so/>

Источники материала:

- (1) 8 Sidor. Nyheter på lätt svenska. URL: <https://8sidor.se/>
- (2) Krisinformation för svenska myndigheter. URL: <https://www.krisinformation.se/>
- (3) Om krisen eller kriget kommer. Myndigheten för samhällsskydd och beredskap, 2018. URL: <https://www.msb.se/sv/rad-till-privatpersoner/broschyren-om-krisen-eller-kriget-kommer/>
- (4) Region Skåne officiell webbplats. URL: <https://www.skane.se/>